

Андрей ВОРОБЬЕВ
Михаил КРАСНОСЕЛЬСКИЙ

**ДЕЛО
НАСЛЕДНИКОВ
В ЗАКОНЕ**

ЛЮБИМЫЙ **ДЕТЕКТИВ**

Любимый детектив. Сделано в СССР

Андрей Воробьев

Дело наследников в законе

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6

Воробьев А. В.

Дело наследников в законе / А. В. Воробьев — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Любимый детектив. Сделано в СССР)

ISBN 978-5-4484-5573-5

Бывший сотрудник военной прокуратуры Алексей Нертов становится телохранителем очаровательной молодой женщины. Ее зовут Нина, и она — приемная дочь состоятельного бизнесмена, владельца контрольного пакета акций крупной питерской компании. Подопечной Нертова, единственной наследнице предпринимателя, угрожает смертельная опасность. Как же решить нелегкую задачу: вычислить заказчиков и исполнителей многочисленных покушений? Кто они на самом деле — партнеры бизнесмена? Московские олигархи? Некие силовые структуры? А может, просто маньяк-одиночка? При этом Нертов должен не только защитить Нину, но и остаться в живых...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-5573-5

© Воробьев А. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Пролог	6
Часть 1	12
Глава 1. Целовал ястреб курочку...	12
Глава 2. Отче наш	20
Глава 3. Ошибка в объекте	28
Глава 4. Русское безумство	43
Глава 5. Сколь веревочке ни виться...	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Воробьев, Михаил Красносельский

Дело наследников в законе

© Воробьев А. В., 2025

© Красносельский М., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

...Не всяк враг, кто тебя обгадил,

не всяк тебе друг, кто оттуда вытащил.

А если уж попал туда, то сиди и не чирикай!

(Из старого анекдота)

Пролог

Акулаев так и не решил, повезло ему сегодня или нет. С одной стороны, он уже лет десять, с выпускного школьного бала, не встречал белые ночи. А в центре Питера было замечательно по-прежнему. С другой стороны, Акулаев не просто прохлаждался. Он сторожил падчерицу своего хозяина – бизнесмена Анатолия Семеновича Даутова.

Охрана проходила так, как определил непосредственный шеф Акулаева – Гриченко, отвечавший за безопасность девчонки. Сзади Нины, гулявшей в сопровождении университетской подружки, шагал Акулаев, а его напарник Михайлов следовал впереди. Телохраниителям приходилось выполнять сразу два приказа: начальник велел не спускать с Нины глаз, а подопечная попросила делать это так, чтобы не попадаться ей на глаза: мол, амбалистые туши надоели. Хоть в белую ночь от них отдохну. Поэтому охрана держалась на приличном расстоянии от оберегаемого объекта.

Конечно, Гриченко должен был сам присутствовать на месте и наблюдать за работой подчиненных. Но он, по мнению Акулаева, совершенно справедливо рассудил: двух парней вполне достаточно, чтобы девушка даже в час ночи чувствовала себя на набережной Мойки как в офисе отчима. И Гриченко отправился за город, любоваться природой на берегу Финского залива в компании друзей-подружек.

Акулаев не мог с ним не согласиться: отец девчонки – столь важная шишка, что вряд ли кто рискнет «наехать» на такую семейку. У Даутова майоры и полковники на мелких поручениях. С ним ссориться – себе дороже. Так что кто наехал – тот отъехал. А гопники в здешних местах не бродят. Не те края. За полчаса, которые Нина с подружкой просидела в открытом кафе неподалеку от Конюшенной площади, к ней лишь два раза подсаживались компании: какие-то курсантики-лейтенантики (у них сегодня выпуск) и пьяные, но по-обычному вежливые интеллигенты. Девочкам их общество не приглянулось, и скоро подружки опять тянули коктейли в одиночестве. Охране можно было не волноваться, покуривать да поглядывать изда-лека.

И все же Акулаев чувствовал себя немного дискомфортно. Начальник небось сидит сейчас возле баллона с любимым своим «Невским» (какая гадость!) и гложет сухих карасей. А здесь напитки употреблял только охраняемый объект, бодигардам же приходилось облизываться, глядя изда-лека. Помня уговор с девчонкой, Акулаев не рисковал приблизиться, сесть за столик кафе и заказать кружечку пива.

А зачем в кафе? Ведь рядом круглосуточный магазин. Акулаев спустился в подвальный шопчик, где перед прилавком стояла небольшая очередь. Как всегда, ночью она двигалась медленно. Охранник уже хотел протянуть продавщице десятку, но его толкнул мелкий мужичонка в грязной и штопаной куртке китайской фабрикации. Мужичонке не терпелось, чтобы девушка взяла кучу мятых и мелких бумажек из его рук в обмен на какой-нибудь бомжатский «лучистый напиток».

– Ты чё, на поезд спешишь? – Скорее удивился, чем рассердился Акулаев, стараясь одновременно отпихнуть мужичка и не запачкаться при этом.

– Местным – без очереди. А ты пей пиво в своих Шушарах! – взвизгнул мужичок.

– Может, хочешь инвалидом стать? Тогда всегда без очереди пойдешь. – Акулаев все еще был настроен добродушно, хотя этот сепаратизм Невского проспекта уже начал его доставать. Мужичок в ответ прошипел, мол, давно не бил морды шушарским гопникам, и замахнулся. Акулаев демонстративно занес кулак, но сзади завизжала продавщица: на улице хоть убивайтесь, а тут не позволю, сейчас наряд вывозу. Акулаев согласился и пошел наверх. К его удивлению, мужичок не отстал, а повис на руке.

Уже на улице телохранитель сообразил, что в его обязанности не входит разбрасывать по тротуарам тушки местных бомжей. Вот если бы в подворотне... Его противник явно был телепатом: он схватил Акулаева за пиджак и потянул под соседнюю арку.

– Ну, козел, напросился, – обрадовался Акулаев. И размашисто отвел руку...

Которую кто-то, вышедший из темноты, перехватил и заломил за спину. Акулаев ничего не успел понять, как на голову обрушилось два точных удара и он сполз по стене. Мужичонка нагнулся к нему, взял за шиворот и на всякий случай еще раз стукнул головой о каменный выступ. Потом достал трубу: «Первый готов. Переходим ко второму»...

– Ты знаешь, что я подумала, впервые увидев Венецию? – говорила между тем своей подруге Лене приемная дочка Даутова – Нина, прихлебывая коктейль «Маргарита». – Наш город называют Северной Венецией. А кроме этого Северной Пальмирой. Но я рада, что настоящую Пальмиру занесли пески, чтобы не разочароваться. В Венеции такие каналы на каждом шагу. А у нас, пожалуй, всего три или четыре настоящих венецианских местечка.

– Зато мы сидим на одном из них, – мечтательно вздохнула Лена. – И знаешь, так приятно иногда отдохнуть от ухажеров. Мухи хоть зимой не липнут, а эти – круглый год...

Лена продолжала трепаться, но Нина, почти ее не слушавшая, вглядывалась в даль. Волшебная смесь лимонного сока и текилы уже сделала свое дело, и, как нередко бывает, Нине казалось: они не в Питере и даже не в Венеции, а в каком-то другом, несуществующем волшебном городе, который можно увидеть лишь во сне...

Впрочем, нет, в таком городе вряд ли происходят такие уличные сцены. Вот шагах в двадцати впереди нее к высокому парню, курящему на набережной, подошли трое пьяных гуляк и, почти валясь на него, завели обычный пьяный базар. Кстати, этого парня я где-то запомнила. Не мой ли это телохранитель? Пьяная троица между тем шла по набережной дальше. Высокий парень уже на прежнем месте не стоял. Куда он делся? Вроде бы рядом спуск к воде. Видно, пошел справить малую потребность...

– ...все равно тебе не поверю, пока сама не побываю в Венеции, – донеслись слова Лены.

– Побывай, – кивнула Нина, – там в каналы не писают даже ночью.

Она допила коктейль и встала. Пора идти дальше. Как раз к разводу мостов...

– Второй готов, – сказал в трубу тот же «сепаратист». Он скинул грязную куртку, и было видно: мужик только косил под придурковатого бомжа. Второй охранник действительно лежал на гранитной площадке, почти у воды. Рядом – пустая бутылка, и любой принял бы его за нерасчетливого пьянчугу.

– Она по-прежнему в кафе с подружкой? – уточнил далекий координатор.

– Да. Брат?

– Вокруг люди сидят?

– Какие-то финики.

– Подожди пять минут. Если не встанет – берите прямо в кафе.

Словно облегчая задачу группе захвата, подруги встали и пошли по набережной. Тотчас же навстречу им двинулась та же пьяная троица. Между ними и девушками расстояние было шагов десять. Казалось, что только кто-нибудь из троих здоровяков разожмет руки, так на камни рухнут все трое. Однако трио продолжало движение. Неподалеку притормозил джип – шофера настолько заинтересовало происходящее, что он открыл переднюю дверцу, а затем зачем-то и заднюю.

До девушек оставалось уже шага три. Нина только сейчас посмотрела на этих придурков, которые нажрались в центре столицы бывшей империи, как на свиноферме деревни Забулдыгино, и замерла от удивления. Даже в полумраке белой ночи было видно: у парней абсолютно трезвые глаза. Тогда зачем все это?

Нина ничего не успела понять, ибо случилось происшествие, которое не предвидел разработчик операции. Два подвыпивших лейтенанта, получившие в этот вечер долгожданные погоны, прогуливались по проезжей части, потягивали пиво из бутылок и уже минуты три наблюдали за приятными подружками. Поэтому, когда перед изящными барышнями появилась еле держащаяся на ногах жлобская компания, ребята решили познакомиться с красотками, оказав им сперва мелкую услугу. Обогнув джип, молодые офицеры вскочили на гранитный поребрик и встали перед девушками.

– Господа, – выпитое пробудило в одном из лейтенантов непривычную вежливость, – господа, разве вы не видите, что дамы не нуждаются в вашем обществе?

Жлоб, державшийся посередине, вынул пистолет и молча махнул рукой лейтенантам: проваливайте, тут серьезные дела. Но военные, мешавшие весь вечер водку с шампанским, так и не поняли, в какую передрагу попали. Один из них даже разозлился:

– Засунь зажигалку себе в ж... ты, салага.

Пистолет был по-прежнему направлен на офицера, и тот, сам не ожидая, – так импровизируют лишь пьяные – прыгнул вперед, захватив ногой в пах жлобу со стволом. Бандит с громким криком свалился на гранитную набережную. Второй жлоб шагнул вперед, и лейтенант, сбитый мощным ударом ботинка, отлетел на три шага, прокатившись по асфальту. Товарищ упавшего оказался рядом и разбил почти пустую пивную бутылку о голову нападавшего, который хотя устоял на ногах, но закачался и на несколько секунд выбыл из игры.

На набережной друг против друга стояли лейтенант с «розочкой» в руках и третий бандит. Но поединка не получилось. Что-то блеснуло в полумраке, раздался выстрел, и удивленный офицер шагнул назад. На его белой рубашке начало расплываться красное пятно. Второй выстрел – и свежий лейтенант свалился на камень.

Нина первая вышла из оцепенения. Она схватила Лену за руку и, что-то крича, кинулась со всех ног в направлении кафе, где девушки только что сидели. Сзади раздался топот: впереди неслись два бандита, а третий ковылял чуть поодаль, все еще не в силах распрямиться. Всего на секунду преследователей задержал товарищ погибшего офицера: он встал, но тотчас же снова оказался на асфальте. Бандиты пару раз его пнули и помчались дальше.

* * *

В отличие от Акулаева, старший сержант Сергеев работал белыми ночами постоянно: дежурил возле японского консульства. Пост был простой, ему уже давно не досаждали пьяные компании, вопрошавшие: «Где тут дом Собчака?» Поэтому Сергеев прохаживался по набережной, отходя от охраняемого объекта шагов на тридцать. Ему было интересно наблюдать за гуляющим народом. Последнее время людей прибавилось: жители Питера помаленьку сообразили, что вечером-ночью, тем более майским или июньским, не опасней, чем днем.

Но проблемы остались. Издали Сергеев заметил трех пьяных парней, окруживших кого-то на набережной. Потом трое пошли дальше. А где же тот бедолага? Вглядевшись, Сергеев увидел, как один из пьяниц, действуя сноровисто и трезво, тащит что-то по гранитным ступенькам к воде. Черт возьми, хоть ночь и белая, все равно не понять. Между тем пьяная компания двинулась навстречу двум девушкам. Рядом тут же оказались две белые фигуры. Видно, свежие офицеры гуляют. Сергеев взялся за рацию.

– «Новгород», я 436. Тут возле меня проблемы. Срочно направьте ГЗ¹. У них, кажется, стволы. Одного уже завалили. Быстрей, твою мать!..

¹ ГЗ – группа захвата.

Нина где-то читала: когда в людном месте начинается стрельба, надо лечь там, где стоишь. Но инстинкт взял свое, и она с Ленкой неслась по набережной. Вот и столики возле кафе, вот ее бокал, еще не убраный оттуда. Да что же это за сон такой происходит?..

Не сговариваясь, девушки подскочили к лесенке, ведущей в подвальный зал. В дверях торчал официант и, сложив руки на груди, наблюдал за последними посетителями, когда те встанут и заведение можно будет считать окончательно закрытым. Девушки чуть не сбили его с ног. Официант только открыл рот, но Лена заорала:

– Заприте дверь! Скорее! За нами гонятся!

– Чего? – недоуменно протянул он, но тут же все понял. Бандиты, отшвыривая ногами столики и стулья, уже были рядом. Несколько туристов из холодной Суоми толпились возле столика, удивленно глаза на происходящее. Увидев пистолеты, финны живо присели на пол.

В этот момент Нина оттолкнула официанта, закрыла дверь и, нащупав задвижку, встала в гнездо. Тотчас же на дубовые доски обрушился мощный пинок.

– Мужик, ты жить хочешь? – раздался с улицы вопрос, несомненно адресованный официанту. – Открывай. Живо!

Официант, толстый парнишка с туповатым лицом, положил руку на защелку, но Нина повисла на нем: «Пожалуйста, не надо...»

– Макс, пинай дальше, – послышалось с улицы, – я обойду.

Но тут из подъехавшего джипа высунулся шофер, крикнув: «Уходим! Наши ментовскую волну поймали. Сейчас здесь патруль будет».

На дверь обрушился еще один удар.

– Братва, ее взять надо!

– Оставайся тут и трахайся с ней и с ментами, – донеслось с набережной. – А мы сваливаем.

Больше ударов не было. Видимо, самый упертый громила сообразил, что остаться в одиночестве не входит в его интересы. Взревел мотор, джип скрылся, увезя бандитов.

Охающий и тихо матерящийся официант осмелился открыть дверь, лишь когда увидел в окно милицейскую машину и выскочивших из нее вооруженных людей. Нина и Лена вышли на набережную Мойки. Трое милиционеров стояли над телом выпускника военного училища и о чем-то говорили с его товарищем, который уже нашел силы подняться. А так – все по-прежнему. И правда, Венеция...

* * *

Лишь только врач вышел из кабинета Даутова, его место занял начальник частного сыскного бюро Николай Орлов, которого друзья называли Арчи, по имени помощника великого сыщика Ниро Вульфа. Конечно, после сердечного приступа надо было подольше полежать. Но бизнесмен не мог успокоиться, пока не поставит все точки над «i» в ночной истории с приемной дочкой.

Очередной приступ старой болезни начался, когда телефон разбудил Даутова в четыре утра. Дочь звонила из райотдела милиции и, еле сдерживая слезы, рассказывала, как на нее напали какие-то гопники, убили при ней человека и чуть не схватили саму. До людей, которые в эту ночь охраняли Нину, было не дозвониться, а ответственного за безопасность девушки – Гриченко вообще не оказалось в городе. Даутов лично примчался в отделение в сопровождении всей своей охраны и забрал девочек. Он велел отвезти Лену домой. В «Мерседесе» Нина прижалась к Анатолию Семеновичу и лишь тогда успокоилась. Когда они прибыли домой, с падчерицей было все в порядке, а вот отчиму понадобился врач.

К вечеру начал успокаиваться и Даутов. И тут – звонок от Орлова. Сыщик сразу сказал, что все гораздо серьезней, чем объясняли Даутову в милиции. Никакая это не гоп-история, какие случаются во все времена и во всех городах. Тут сердце забарахлило опять...

Однако пока Арчи был в пути, Анатолию Семеновичу немного полегчало. И он был готов услышать самые неприятные новости.

Орлов подтвердил, что нападали не гопники и даже не мелкая братва со стволами. Охранников вырубил профессионально. «Кстати, я выяснил, старшего, Акулаева, взяли, когда он покупал пиво. О чем думал Гриченко, когда нанимал таких дуболомов?» Ко всему прочему лейтенанта, вступившегося за Нину, уложили из «стечкина». Такой ствол тоже в мелкой банде не встретишь. То есть охотились целенаправленно. У того бедолага две пули, в груди и в голове. Как вшиты. Работа высшего класса. Постовой у японского консульства видел все с начала. Он говорит, мол, сперва эти трое здорово косили под пьяных. А потом работали, как на тренировке. И если бы не лейтенанты, то Нина сейчас была бы у них.

– И что ты посоветуешь?

– Гриченко вышвырнуть ко всем чертям. Акулаеву оплатить больничный, и туда же – пусть пьет пиво в другом месте. Второго охранника можно оставить. Да, наверное, надо бы помочь родителям погибшего. Адрес я узнал.

– Родителям поможем. Но меня сейчас не это интересует. Как с Ниной быть?

– Пошлите ее куда-нибудь за границу. Хотя бы на полгода. И приставьте к ней профессионала. Который и сам пиво пить не будет, и своим людям расслабиться не даст. Чтобы уберечь ее и в городе, и не сводил бы глаз и там.

– У тебя такие кандидаты есть?

– Подумаю, завтра доложу.

– Хорошо. И начинай искать. Ищи ублюдка, который заказал этот наезд. Я его на помойке живым похороню.

Орлов ушел. Даутов почувствовал себя совсем здоровым: финальная вспышка злости, как ни странно, подействовала на него благотворно. Таким же, энергичным и злым, был он совсем недавно, когда правдами-неправдами сколотил свою финансовую империю. Пусть не очень заметную, но мощную. Теперь расслабился. И тотчас стала наезжать разная сволочь. У каждого императора есть своя слабость. Даутов очень любил приемную дочь – Нину. И кто об этом узнал.

* * *

За пару недель до происшествия на Конюшенной промозглая питерская весна вдруг обернулась душной жарой. В многочисленных конторах и конторках, именуемых с некоторых пор офисами, клерки открывали нараспашку двери и окна, решив, что лучше страдать от шума и пыли, чем превращаться в духовую говядину. В тех же фирмах, которые вовремя смогли разориться на кондиционеры, служащие, наоборот, замуравывались в кабинетах, безуспешно уговаривая входящих плотнее прикрывать двери и не выпускать драгоценную прохладу.

В одном из таких кабинетов разговаривали двое.

– Ты что, не понимаешь, что папика трогать нельзя? – яростно шипел один из собеседников, внешне выглядевший вполне респектабельно, наваливаясь грудью на стол. – Если только он что-то почувствует – ни мне, ни тебе вместе со всеми твоими тупоумными быками не жить! К тому же не забывай, у него уже была пара инфарктов и, если его трясти, за что ты старательно агитируешь, – наш хитрый Буратиночка может загнуться. Тогда, скажи на милость, где бабки искать? Ты, что ли, будешь по всем швейцарским банкам ползать, спрашивая: «А не у вас ли, герр директор, хранятся много лимонов баксов, украденных у меня одним российским чуваком?»

Его собеседник, похожий на упакованный в костюм кубик, захлопал глазами.

– А что тогда делать? Я, в натуре, не пойму, куда ты клонишь. Раз уж я вписался в эту тему, то хочу твердо знать: никаких заморочек не будет. Поэтому или давай все начистоту, или разбегаемся и никаких проблем. Будем иногда встречаться, водочку трескать.

– Тебе бы только трескать, – раздраженно ответил первый собеседник. – Объясняю еще раз: надо взять девчонку и слегка потрясти. Она должна знать и банки, и коды. Папик не такой дурак, чтобы все держать в голове. А доченьку любит безумно, к тому же она сама как-то ляпнула, что в курсе этой проблемы. Если же мы ошибаемся, тогда играем запасной вариант – отзваниваем папашке и предлагаем ченч: либо дочку ему, а баксы нам, либо он остается со своими долларами, а чадо любимое будет недели две получать по кускам.

Говорящий вопросительно взглянул на собеседника, как бы оценивая, понимает ли тот смысл сказанного, но Кубик, казалось, начал вообще сомневаться в самой идее операции:

– Но ведь папаша обязательно наедет на нас при таком раскладе. И тогда уж точно всем крышка. Я лично не хочу плавать в бетонных «ботинках». А если он что похлеще придумает?

– Ты что, не врубаешься? – снова зашипел Респектабельный. – Папик не станет рисковать девчонкой. Да и с каких фиг он нас просчитает? Времени на это не будет. А когда от него уйдут все баксы – он без крыши останется. К тому же некоторые меры предосторожности мы предпримем без твоих молодцов. Не забывай, что в фирму нашим людям путь не заказан. В общем, давай готовься, думай, но не тяни. А я буду помогать, но с другой стороны. Главное, докладывай регулярно, как дела. Все будет нормально, Боб. Не дрейфь.

– Ладно, – Кубик вывалился из мягкого кожаного кресла, – будем думать. Только ты тоже уж постарайся. А то и в самом деле нам обоим яйца поджаривать будут. До связи... И пожалуйста, не звони моей, а то она и так нервная, токсикоз у нее начался...

Часть 1

Глава 1. Целовал ястреб курочку...

Мелкие бисеринки пота поблескивали на лице. Алексею Нертову было душно и муторно. То ли от сигаретного дыма, который плавал по всей комнате, то ли оттого, что в открытую форточку врывался не свежий ветерок, а полуденный жар раскаленного асфальта. А может, во всем был виноват вчерашний теплый джин, которым хозяин квартиры на досуге неосмотрительно попытался разогнать мрачные мысли?..

Уже который день Алексей пытался восстановить события прошлых дней и найти какую-нибудь зацепку, чтобы ответить на вопрос: кто же убил его бывшего шефа? Кому удалось организовать взрыв в парадной, на клочки разнесший преуспевающего банкира Андрея Артуровича Чеглокова?²

Казалось, что все точки в той странной истории были расставлены: службе безопасности банка, которой тогда руководил Нертов, так или иначе удалось вычислить и исполнителя, и заказчика покушений на компаньонов Чеглокова, в том числе и на отца Алексея. Заказчик, Сергуня Писарев, прочно обосновался в «Крестах», а исполнитель, Шварц, – на кладбище, причем с легкой руки своего бывшего куратора.

Но Алексею не нравилось несколько обстоятельств. Например, почему Писарев, «расколовшийся» еще на первом допросе, упорно отрицал причастность к убийству Чеглокова? Боялся, что светит пожизненное? Вряд ли. Тогда бы Писарев не признал и покушение на убийство отца Нертова. А может, Сергуня кого-то прикрывает за обещание вытянуть из «Крестов»? Тоже не исключено, но маловероятно. Дело о покушении на Нертова и так шито белыми нитками, доказательств практически нет, как и свидетелей, кроме несостоявшейся киллерши Марины. Да и не могли Шварц с Писаревым взорвать банкира, хотя бы потому, что в это время оба находились в других местах.

В общем, как ни крути, а выходило, что или истинный заказчик убийств до сих пор гуляет, или еще кто-то третий, неизвестный, ведет самостоятельную игру. А это значит, что угроза, нависшая над отцом, до сих пор может существовать...

Алексей вздохнул и скинул влажную футболку. Вроде полегчало. Какой-то заблудившийся сквознячок ласково пощекотал спину, но затем духота вновь навалилась на бывшего начальника службы безопасности и он, проклиная жару, нехотя поплелся в ванную. «Кто знает, где же он ползает, этот заказчик? А может, я просто себя накручиваю и начинается профессиональная шиза?» Но все больше приходил к убеждению, что обязан лично разобраться до конца в той истории. Именно до конца. Хотя бы для того, чтобы обезопасить собственного отца – директора одного из крупных областных заводов...

Противно затрещал телефон, и Алексей, нехотя оторвавшись от размышлений, потянулся к трубке. Звонила, конечно же, его бывшая жена Светлана, которой не работалось в столь жаркий день. Едва услышав голос Нертова, она затараторила:

– Лешенька, мы должны немедленно встретиться. Я тебе все объясню. Это очень важно. Ты помнишь Даутова? Ну, который с моим мужем дела всякие имел?.. В общем, я еду. Ты только никуда не уходи.

Алексей не сумел ничего вразумительно ответить, как в трубке уже раздались короткие гудки. «Опять проблемы, – сокрушенно подумал он, – верно писали Вайнеры, что кабы бабы

² Подробнее об этом расследовании Алексея Нертова см.: Воробьев А., Красносельский М. Дело влюбленного киллера. М.: Вече, 2024.

в нашем деле были не нужны – век бы их не видеть». Он вспомнил, как недавно Светлана примерно так же звонила ему, рыдая, что готова убить мужа, а потом приехала полупьяная с чемоданом денег и всякого компромата на своего благоверного и его подельников...

– Стоп! Компромат на подельников. – Алексей невольно напрягся, подумав, что нашел ту зацепку, которая бы могла оказаться отправной точкой для дальнейшего расследования.

Из всех связей Лишкова, чиновника Фонда госимущества, второго мужа Светланы, одна осталась недоработанной. И этой связью был не кто иной, как Анатолий Семенович Даутов, генеральный директор АО «Транскросс», круто приподнявшийся на долларово-рублевых спекуляциях. На тех же самых спекуляциях, из-за которых возникли проблемы у Чеглокова, у Нертова-старшего, из-за которых погиб Лишков, а преуспевающий руководитель страховой компании поднял руку на человека и теперь прочно обосновался в «Крестах»! Вот она, ниточка, за которую можно осторожно потянуть. Только очень осторожно, пока люди Даутова не решили снести голову бывшему военному прокурору. Скучно будет без головушки.

В том, что «крыша» у этого бизнесмена крепкая, Алексей не сомневался: слишком большие деньги крутятся вокруг его фирмы, слишком большие люди получали деньги за ее благополучие. Иначе как объяснить, что после всех прошедших событий Даутов (единственный!) остался в тени? А может, он сам и есть и «крыша», и заказчик всех убийств? Слишком много точек соприкосновения оказывалось между ним и командой покойного Андрея Артуровича.

Нертов, лихорадочно просчитывая всевозможные варианты, едва успел вылезти из душа и одеться, как раздался новый звонок. Теперь уже в дверь.

«Неужели Светка примчалась? – подумал Алексей. – А вдруг это к лучшему? Посидим, поговорим. Интересно, что же она такое важное желает сообщить?»

Но на лестничной площадке оказалась отнюдь не бывшая супруга. Там стоял, широко улыбаясь, Арчи, а попросту – Коля Орлов, не сработавшийся с начальством опер, а ныне – преуспевающий частный детектив, отличный парень, с которым Алексею сколько времени все не удавалось спокойно посидеть, попить того же джина. Вот и сейчас Арчи буквально с порога заявил, что времени у него в обрез, заехал он просто по пути, чтобы забрать казенных «жучков», некогда одолженных Нертовым.

Уже уходя, Николай как бы невзначай бросил: «Да, кстати, юрист, ты сейчас без работы, помнится? Тут один клиент охранника для дочки ищет. Хочешь, поговорю?»

Алексею было не до клиента, но он по привычке переспросил, что это за человек. И Арчи радостно сообщил о некоем, богатом как Крез, директоре фирмы, некоторые поручения которого выполняет его, Арчи – Николая, контора. «Даутов, слышал про такого? Впрочем, давай-ка ты пока думай, а я сегодня вечером еще зайду – допьем твой джин и все расскажу подробно...»

Алексею оставалось лишь согласиться. Он недоуменно постоял у дверей, вслушиваясь в затихающие на лестнице шаги Николая, и подумал, что Земля – шарик очень крошечный.

* * *

Светлана пришла минут через тридцать. Бесцеремонно плюхнувшись в хозяйское кресло и проворчав что-то насчет бардака в квартире, закурила. А затем с интонациями любящей супруги поведала Алексею, что Даутов («Ну ты же должен помнить его, бывший сослуживец моего муженька. Еще когда ты бумаги его ворошил, то спрашивал, кто это, и я тебе говорила!») собирается организовать постоянную охрану для своей дочки. Нет, не родной, а приемной, но все равно любимой. Поэтому платить будут хорошо. А сама Нина – так зовут эту особу – не очень-то хочет быть под постоянным присмотром людей отчима.

– Нине удалось уговорить грозного родителя, чтобы он разрешил ей самой поискать охранников, – продолжала Светлана. – Вот она и ко мне и заглянула, авось помогу найти нор-

мальных людей, чтобы и от папочки отвязаться, и себе жизнь не портить. А я-то сразу про тебя подумала. Ты ведь, кажется, безработный нынче?

Алексей неопределенно пожал плечами. Да, из банка он ушел, но для нормального специалиста его профиля и уровня это не проблема. Главное – взять записную книжку да обзвонить несколько коллег – знакомых. Но Светлана продолжала гнуть свое, убеждая в необходимости поступить на службу в «Транскросс», вещая о радужных перспективах для будущего телохранителя.

– Нина должна скоро уехать на Лазурный Берег. Ты представляешь, Ницца, Антиб, Монте-Карло, Жуан-ле-Пен, Канны!.. Господи, и чего я тебя уговариваю как родного? Наверное, по своей исключительной доброте. Ведь ты мне не муж, не сват... – Женщина начинала терять терпение от неопределенного молчания собеседника, но тот просто старался еще раз просчитать все варианты дальнейшего развития событий. Только настойчивый голос бывшей супруги мешал сосредоточиться. Наконец Алексей не выдержал:

– Слушай, хочешь, я сделаю тебе кофе?

– Да уж, целовал ястреб курочку. Аж до последнего перышка, – усмехнулась Светлана. – Кофе – в такую жару? Смерти моей желаешь? Лучше бы заглянул в холодильник, если в нем еще тараканы дачу не устроили. Может быть, хоть банку колы откопаешь.

Алексей сообразил, что в холодильнике, действительно, валялась пара жестянок с какой-то газировкой, и радостно удалился, избежав хоть на время жениной трескотни. Но трескотня оказалась не такой уж пустой. Нертов прикинул, что если устроиться поближе к падчерице Даутова, то, глядишь, легче будет разобраться в темной истории с заказными убийствами. А тут еще Арчи что-то про этого Анатолия Семеновича напомнил. «Сговорились они, что ли?.. Впрочем, вечером все будет ясно, а пока надо сказать Светке нечто доброе – не зря же она старалась...»

Но в конце концов Светлана так и ушла, не дождавшись от бывшего супруга ничего, кроме вежливого «спасибо». На более бурное и глубокое выражение признательности, как с сожалением отметила про себя перед расставанием гостя, рассчитывать не приходилось. Провожая бывшую, Алексей не знал, что ее визит был продиктован не столько заботой о его благополучии, сколько другой встречей, во время которой Светлана выступала в роли хозяйки дома.

* * *

Через некоторое время после похорон Владимира Ивановича Лишкова Светлана вернулась в свою квартиру на Невском. Большие комнаты казались неуютными и чужими, домработницу не приглашали уже больше двух недель, а на полированной мебели поверх размазанного экспертами порошка для снятия отпечатков пальцев осела пыль.

На работе Свете дали отпуск за свой счет, теперь она бесцельно бродила по пустым комнатам, пытаясь обдумать, что же предпринять, чтобы компенсировать потерю мужа, который, конечно, был порядочной скотиной, но все-таки худо-бедно обеспечивал потребности своей благоверной. Можно было продолжать тихонько работать в Фонде госимущества, получая пусть небольшой, но достаточно стабильный приработок от всяких просителей. Но дальнейшее прозябание в кресле юрисконсульта все меньше устраивало: женщина слишком привыкла ко всяким супружеским подарочкам в виде бриллиантовых колечек или норковой шубы. Только теперь этих подарочков не дождешься, а с трудом налаженные благодаря Лишкову связи, того и гляди, начнут отваливаться.

Светлана уже не раз чувствовала холодок в голосах тех или иных людей из «сливок», с которыми раньше общалась благодаря супругу. Теперь же они, кажется, решили навсегда забыть о связи, которая могла быть лишь обузой и не сулила очевидных выгод. Она плеснула себе в рюмку очередную порцию коньяка и зло рассмеялась: «Подождите, я и сама кое-что

стою. А связи?.. Ничего, скоро забегаете...» Почему и кто должен был забегать, это было не важно. Только бы выплеснуть переполнявшие чувства.

Действительно, за последнее время Светлане пришлось немало поволноваться: сначала – упреки спивающегося Лишкова, который как заяц трясся за свою чиновничью шкуру. После, когда он, совсем озверев, посмел поднять на женщину руку, она забрала все «черные» документы благоверного и убежала к Алексею. И вдруг эта глупая смерть мужа («Вот дурак! И помер-то с перепугу, от разрыва сердца»).

Но не только эти воспоминания тяготили вдову. Как юрист, немало покрутившийся во властных структурах и среди бизнесменов, она прекрасно понимала опасность, которой подвергла себя, сгорая утачив мужнины бумаги – компромат не только на него, но и на ряд других, спокойно здравствующих особ. Хорошо, что Алексей заставил-таки ее после всех перипетий с милицией разобрать эти документы, а собственно компромат – засунуть в отдельный конверт, который лично запечатал.

Непонятно как, но Нертов догадался: за бумагами могут прийти. Причем не рубоповцы – с ними проще: прикинулась безутешной блондинкой – и взятки гладки. Но люди, с которыми Лишков имел дело, вполне могли решить, что лишний свидетель, начитавшийся чужих бумаг, им ни к чему. Поэтому Светлана всунула злополучный конверт между книг, с трепетом ожидала, кому же он понадобится, и наконец дождалась.

... Знакомый голос по телефону был сегодня особенно участлив:

– Светлана Игоревна, понимаю, как вам тяжело, и тоже скорблю о смерти Володи. Мы же с ним не один пуд соли съели, когда раньше вместе работали... Нина тоже волнуется, как вы там одни, собиралась вас навестить... Да хоть сегодня вечером... Ненадолго. Спасибо, до встречи.

Света положила телефонную трубку, и в квартире повисла тишина. Где-то за окнами слышалось погрохатывание Невского проспекта. Но оно, казалось, было таким далеким и нереальным.

«Вот он, гость, – подумала вдова, – придет и обязательно спросит о документах. Как же вести себя, чтобы он не въехал, насколько хорошо я знакома с компроматом?.. Правильно. Главное, забыть, что там именно компромат. Просто какой-то конверт. А я еще ничего не смотрела. Не могу. Все мужа вспоминаю и плачу. Вспоминаю и плачу. Именно так. И пусть он сам смотрит, что хочет. А я ничего не знаю. Только плачу...»

На глаза навернулись слезы. Видно, сказались напряжение последних дней и выпитый коньяк. Светлане стало отчаянно жаль себя, и она искренне разрыдалась.

Вечером, как обещали, в квартиру нагрянули гости – Анатолий Семенович Даутов со своей падчерицей. Их сопровождал внушительного вида охранолакей, тащивший два огромных пакета. Светлана специально не стала приводить в порядок к приезду гостей квартиру и не очень тщательно убрала поплывшую с ресниц тушь – она слишком хорошо помнила лекции по криминалистике, которые раньше читал в универе старый профессор.

– Запомните, – вещал он, грозно потрясая резиновым крокодилчиком, подаренным когда-то студентами, – мелочей у нас не бывает. Большинство дел раскрывается именно на них. Парадокс, но именно опытный рецидивист, попавшись при совершении группового преступления, начинает изобличать подельников, стараясь сделать это первым. Соучастники никогда не смогут договориться о мелочах, а лишь в общих чертах придумывают версии. Например, что-нибудь вроде: «Мы сегодня случайно встретились и просто шли по улице»... Задавайте уточняющие вопросы: «Где, когда, кто стоял слева, а кто справа, какое вино продавалось в соседнем магазине?» Неправда сразу же выплывет наружу... Но вы должны насторожиться и если, скажем, потерпевший уверяет, что от горя у него все валилось из рук, а сам он идеально выбрит и дома образцовый порядок. В театре фальшь можно не заметить, но в жизни вы просто обязаны это сделать...

Нина по указанию Даутова сразу же упорхнула в кухню, чтобы разобрать продукты, охранакой был выставлен из квартиры, дабы не смущать хозяйку, а сам Даутов вместе со Светланой прошел в одну из комнат, чтобы помочь организовать стол.

Света бестолково суетилась, стараясь поменять скатерть и достать из буфета рюмки. Даутов, после нескольких дежурных фраз, с сожалением заметил, что она слишком удручена гибелью мужа, забывает, что женщина прежде всего должна быть именно женщиной и хозяйкой. Он говорил, что понимает горе вдовы, но негоже ей убивать себя. Конечно, смерть Лишкова принесла всем много огорчений. Вот, например, сам Анатолий Семенович не успел забрать у него некоторые документы и даже не представляет, как теперь быть.

– Кстати, Светлана Игоревна, вы еще не смотрели бумаги мужа? Может, я вам смогу чем-нибудь помочь?..

Светлана, давно ожидавшая подобного вопроса, ответила, что, конечно, ничего она не разбирала («Не могу. Это так тяжело, но я постараюсь справиться. Впрочем, я все равно в них ничего не пойму, и если бы вы, правда, мне помогли. Вон, посмотрите, весь кабинет завален. Даже среди книг какие-то торчат...»).

Даутов, казалось, не обратил внимания на последнее замечание, но задумчиво подошел к книжному шкафу.

– Вы располагайтесь, а я пойду, помогу Нине, – предложила хозяйка, – а то она в нашем беспорядке ничего не найдет. А пока, может, вы посмотрите архив мужа, если, конечно, вам это не трудно...

И Светлана указала гостю на пару пухлых папок с какой-то никчемной документацией Фонда госимущества, пылящихся на журнальном столике. Даутов не возражал.

На кухне женщины задержались. Нина, с которой Светлана раньше несколько раз встречалась на презентациях и вечеринках, рассказала, что собирается ехать во Францию на ближайшие полгода. Там, дескать, отчим решил устроить ей что-то вроде курсов повышения квалификации. Хотя какое еще повышение нужно для девушки, свободно знающей два языка, персональный компьютер и обладающей к тому же безукоризненной внешностью?

– Только папа, – Нина понизила голос, – обязательно хочет приставить ко мне каких-нибудь мордovorотов, от одного вида которых меня и так тошнит. Посмотри, что за чудовище притащило продукты. Такой взглянет – с роз лепестки осыплются, с ним же в обществе показаться стыдно. Я еще понимаю, если б это был Шварценеггер. Тогда хоть похвастаться можно перед сопливыми подружками. А тут отморозки какие-то. С мозгами не в ладах – одно мясо.

Света сочувственно кивнула, а Нина продолжала щебетать, что отцовская охрана будет мешать спокойно отдыхать, да еще начнет регулярно стучать домой о ее веселых французских похождениях.

– Ну, не все охранники отмороженные, – вступилась за них хозяйка, – например, мой первый муж – вполне нормальный парень. Прибабахи, правда, есть, потому и развелись. Впрочем, у кого их не существует? А Алексей (ты его, наверное, не знаешь) начальником службы безопасности банка работал и в то же время Мольера в подлиннике читал...

Нина встрепенулась и начала расспрашивать приятельницу подробнее о ее бывшем: что за человек, чем увлекается, что делает сейчас. «Ты смотри не влюбись, – фыркнула Света, – а фотку, если хочешь, покажу».

– Покажи, – согласилась Нина. – Только жениха мне папочка, кажется, нашел. Ой, совсем забыла! Он же должен скоро подойти. Ты уж прости, пожалуйста, мою бесцеремонность.

Светлане было все равно. К тому же лишний человек мог помочь скрасить вечер, поэтому она не возражала.

Наконец, вдоволь поболтав о том о сем и разложив по тарелкам закуски, женщины вернулись в комнату. Даутов продолжал там перебирать бумаги, но, заметив вошедших, сразу же стал напоминать радушного хозяина:

– За стол, все за стол и давайте, наконец, что-нибудь наливать!..

На прощание Даутов сказал, что в его фирму требуется опытный юрист, выразительно посмотрел на Светлану и попросил позвонить ему. Нина, уже стоя в дверях, шепнула, что сама непременно позвонит и забежит обсудить одно важное дельце. В это время пришедший позднее жених Нины – Денис стоял на лестничной площадке, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на хозяйку глазами бездомной собаки, увидавшей витрину с колбасой.

После ухода гостей жизнь уже не казалась Светлане такой мрачной. Она всерьез начала задумываться, не открыть ли собственную адвокатскую контору, взять на обслуживание несколько фирм, подобных даутовской, а там, глядишь, клиентура солидная наберется... Размышляя таким образом, вдова начала убирать со стола и ненароком взглянула на книжный шкаф. Между рядами книг сиротливо торчал злополучный конверт. Машинально вытащив его, Светлана увидела, что конверт вскрыт. Документы исчезли.

* * *

Нина позвонила уже на следующий день и напросилась в гости. В этот раз она приехала одна. Светлана догадывалась, что визит нанесен неспроста. Догадка подтвердилась. Нина решительно заявила, что ей удалось упрямить отчима, чтобы обязанности телохранителя выполнял не кто-нибудь, а Алексей Нертов. Поэтому Света ну просто обязана как-нибудь уговорить бывшего мужа согласиться встретиться с Даутовым и обсудить все детали работы.

– Ты только как-нибудь намекни своему, что я не люблю стукачей, – инструктировала гостя, – но пусть он папе вида не подает и вообще поменьше строит из себя: отчим это не любит.

Светлана вынуждена была пообещать, что постарается все сделать как надо, и тут же отзвонилась Алексею, сообщив, что сейчас приедет.

Главное – быстрота и натиск, – решили приятельницы, – а то подумает-подумает Алексей и не согласится. Что тогда делать бедной девушке на теплом Лазурном Берегу? Через окно убежать на свидания от своих охранников, что ли?

Светлана, правда, была уверена, что от Нертова Нине удрасть не удастся, но это ее не очень волновало.

«Во-первых, – думала она, – пока Алексей присматривает за этой девицей, Даутов ни за что меня не уволит с работы. Во-вторых, если генеральный директор „Транскросса“ не до конца поверил, что я незнакома с находившимися в конверте документами, то работа Алексея и меня на фирму будут лучшей гарантией лояльности. К тому же, если вдруг документы понадобятся кому-то еще, одно упоминание имени Даутова охладит самых отмороженных искателей приключений».

Будучи женщиной неглупой, Светлана прекрасно понимала, что не может слабый человек руководить такой махиной, как «Транскросс» с его многомиллионным дневным оборотом, что за спиной Даутова стоят достаточно крепкие как легальные, так и неформальные структуры. А лучшее место, где можно спрятаться от тигра, – логово самого зверя.

С этими мыслями Света и приехала к Алексею, хотя не стала сообщать ему подробности визита Даутова и грузить по поводу исчезнувших документов.

* * *

Арчи, попивая вечером с товарищем джин с тоником, тоже не стал беспокоить его всякими мелочами. В частности, он не рассказал, что именно Даутов назвал фамилию Нертова как одного из возможных кандидатов на пост охранника падчерицы. Впрочем, если говорить честно, сыщик тогда просто упустил это из виду, так как больше был озабочен вопросом, как

бы поближе познакомиться с симпатичной секретаршей, подававшей чай в офисе солидного клиента.

А клиент, контору которого обслуживало агентство Николая, все шизофренически жаловался на возможные происки недоброжелателей, требовал устроить чуть ли не поголовное наблюдение за всеми акционерами, сетовал на появление неких темных сил, старающихся втихаря скупить ценные бумаги фирмы, и нес прочую ахинею, напоминая выжившего из ума дядюшку Скруджа, у которого вместо глаз крутились два здоровенных бакса.

Арчи с удовольствием бы послал шизоидного клиента куда подальше, но тот нал, который Даутов регулярно вручал сыщику в качестве оплаты работы и премиальных, обязывал Николая доброжелательно улыбаться и изображать усердное внимание. Орлов не видел ничего опасного для Даутова не только в его ближайшем окружении, но и в дальних связях. А предложение помочь найти телохранителя для падчерицы, собирающейся ехать в теплую Францию, сыщик посчитал окончательным подтверждением мании преследования.

«Впрочем, почему, если клиент того хочет, не доставить удовольствие своему старому товарищу, – рассудил Арчи, – тем более Леха и так попусту переживает из-за своего жмурика-банкира. А тут, глядишь, развеется в обществе симпатичной телки».

Вообще-то он и сам бы с удовольствием согласился сопровождать Нину в путешествии, но как только намекнул об этом Даутову, тот нахмурился и заявил, что дело сапожника – тачать сапоги, а художника – рисовать. Переубеждать клиента сыщик не стал.

* * *

Даутов продолжал придуриваться, как бы исподволь наблюдая за реакцией сыщика, явно считавшего себя самым умным и неотразимым.

«А секретаршу я ему, пожалуй, сосватаю, – лениво решил генеральный директор, подставляя лицо под прохладную струю кондиционированного воздуха, – пусть парень развлечется. Когда человек расслаблен – он безопасен. Ишь, как взглянул, разве что не облизывается!»

Расставаться с конторой Орлова пока не стоило. Кем бы ее руководитель ни считал клиента, но дело свое знал хорошо, копал грамотно, и, читая отчеты наружки, Даутов довольно хмыкал, находя общие точки с информацией, которую получал из неизвестных сыщику источников...

Нертова Даутов приметил уже давно, на одном randevу, организованном Чеглоковым. Парень был не промах: Анатолий Семенович, погуляв в одиночестве по территории загородной резиденции, где проходила встреча, обратил внимание, насколько ненавязчиво, но плотно охранники Нертова «держат сектора» гостей. Да и сам начальник службы безопасности не жрал, как дорвавшийся до халявы качок, а по уму руководил своей командой. Уже тогда Даутов начал подумывать, что неплохо было бы переманить Нертова к себе, но, наведя о нем справки, понял, что это будет сложно.

Неожиданная смерть Чеглокова развязала Даутову руки. Он, один из немногих, был твердо уверен, что охранник сделал все, что мог. И только идиотское упрямство клиента, помноженное на профессионализм киллера и еще большую изобретательность «сценариста» покушения, позволили довести операцию до конца. Кроме того, у Даутова были еще свои, личные виды на опального телохранителя. Поэтому лучшего сопровождающего для падчерицы он не желал. Оставалось только убедить самого Нертова согласиться. С этими мыслями Даутов набрал телефонный номер квартиры Лишкова...

* * *

Марина Войцеховская, наверное, так и не узнала бы о том, что погибший банкир Андрей Артурович Чеглоков – ее родной отец, если б не старания его службы безопасности, умудрившейся раздобыть луганскую копию заявления матери Марины о выдаче свидетельства о рождении. После смерти банкира девушка, несмотря на просьбы своей внучатой бабушки, престарелой тетки Андрея Артуровича, уехала в Луганскую область к младшему брату Петеньке и старалась как кошмарный сон забыть все происшедшее в городе на Неве.

Но чуть ли не каждую ночь ей снился мертвый артист Македонский, протягивающий к ней перетянутые проволокой синие руки... Еще большим кошмаром во сне, как ни странно, казались встречи с Алексеем Нертовым. Он молча приходил, долго укоризненно смотрел на Марину и, бросив презрительное «дрянь», растворялся в небытии. Марина пыталась закричать, остановить Алексея, объяснить, что ни в чем не виновата, но не могла даже приподняться с подушки, потому что неизвестно откуда появившийся Шварц хватал ее за горло грязными руками. Улыбаясь гнилыми зубами, этот оборотень требовал, чтобы она немедленно взяла винтовку и убила Нертова...

Марина в ужасе просыпалась, пытаясь стряхнуть наваждение, но сны приходили вновь и вновь. В конце концов она решила написать Алексею и все объяснить, но тут почтальонша принесла послание из Питера, в котором тетушка Чеглокова, сетуя на одинокую старость, просила хоть ненадолго заехать погостить и заодно еще раз подумать о вступлении в права наследования.

«Ты же знаешь, Мариночка, – писала Наталья Сергеевна, – как бы мне хотелось видеть тебя рядом... Если ты откажешься приехать – все акции и деньги твоего отца отойдут государству. А он-то, сердешный, так хотел видеть тебя счастливой. Я уже договорилась с владельцами одной из фирм, компаньоном которых ты станешь, чтобы тебя встретили... Если не захочешь этим заниматься – просто навести меня перед смертью. А акции – бог с ними – отдай в какой-нибудь детский дом, как совесть тебе подскажет...»

Марине не хотелось обижать старушку, оставшуюся совершенно одну и так тепло отнесшуюся к внучатой племяннице. «Кроме того, – подумала девушка, – надо все-таки до конца объясниться с Алексеем, которому я доставила столько проблем». Поэтому она послала телеграмму в Петербург, что вылетает.

Марина не знала, что копия телеграммы легла на два чужих стола, находящихся в разных питерских кабинетах. Хозяин одного из них, ознакомившись с содержанием документа, удовлетворенно хмыкнул, подумав, что пока, тьфу-тьфу-тьфу, все идет по плану. Другой же столоничальник, нервно закурился, стал, судорожно соображать, что же следует предпринять, дабы извлечь пользу из визита незваной гостьи.

Глава 2. Отче наш

Переговоры о новой службе, на удивление, прошли без напрягов. Тепло принятый Даутовым, Алексей практически сразу же договорился с ним об основных принципах работы (главное, во всем слушаться и не мешать). Причем Даутов сам проявил максимум заинтересованности в том, чтобы охрана работала в полную силу. Он категорически запретил оставлять падчерицу без присмотра.

– Я переживу, – говорил Анатолий Семенович, – если моя дочь даже будет целоваться с каким-нибудь бомжом. Но я должен об этом знать заблаговременно. Кроме того, я хочу быть уверен, что это действительно бомж, но притом не заразный, без хвоста и не маньяк, по ошибке выпущенный из психушки. Поэтому договоримся сразу: ни на какие мольбы Нины не поддаваться, одну ее не оставлять ни на миг. У вас есть еще две недели до отъезда во Францию. Тренируйтесь, притирайтесь, объясняйтесь ей сами в любви, делайте что хотите, но не смейте оставлять девочку без присмотра! И не смотрите на меня как на выжившего из ума старика. Я знаю, что говорю, хотя ничего более определенного вам сообщить не могу. Мне неизвестно, кто, когда, почему и будет ли вообще... Но без присмотра не оставлять. Считайте, что это первое условие вашей работы.

Алексей, в отличие от своего старого милицейского приятеля, считал, что это право клиента – ставить любые условия (а не нравится – не ешь). Кроме того, он, наверное, более других осознавал: Нине может грозить беда. Только, если это произойдет, причиной будут темные дела отчима девушки. А Нина, хотя, скорее всего, не виновата ни в чем, кроме как в родстве с Даутовым, при случае может попасть в достаточно неприятную ситуацию. Где деньги – там преступления, – был уверен Нертов, в который раз прикидывая, как лучше организовать охрану клиентки и сколько человек удастся для этого задействовать.

«Оформление» Алексея на работу закончилось быстро. Как только были оговорены основные условия, Даутов вместе с новым охранником прошли в небольшой кабинет, где Нертов увидел симпатичную девушку, что-то быстро печатавшую на клавиатуре компьютера.

– Знакомьтесь. Нина, моя дочь... А это новый начальник твоей охраны. Как мы договаривались, ты должна во всем его слушаться. Да-да, не дуйся. В общем, оставляю вас одних. Общайтесь.

Девушка похлопала длинными ресницами («Неужели свои, не накладные?»), затем как избалованная третьекласска, скорчила смешную рожицу и высунула кончик языка.

– И пожалуйста, будь хоть немного посерьезней, – заметил Даутов, – не показывай мне язык, все равно будет по-моему...

После ухода отчима девушка с ходу попыталась уличить Алексея в серости, начав заумно рассуждать что-то о западно-европейской поэзии. При этом она словно ненароком временами вставляла фразы как минимум на трех языках. Алексей сначала пытался прервать этот монолог, чтобы оговорить основы взаимодействия клиентки и бодигарда, но наконец не выдержал явного издевательства юной эстетки. Он пристально посмотрел ей в глаза и, когда Нина замерла, предвкушая, что сейчас услышит особую профессиональную гадость, внезапно улыбнулся и загнул длинную цитату из Андре Шенье. Разумеется, на его родном языке. Затем, не давая девушке опомниться, он перешел на Вийона и уже под аплодисменты счастливо расхохотавшейся Нины закончил свою речь мольеровским нравоучением.

– Я понимаю, что проверку можно считать законченной? – осведомился Нертов. – Давайте все-таки поговорим о делах. Иначе вы ставите меня в крайне неудобное положение перед вашим отцом.

– Анатолий Семенович – мой отчим, – поправила девушка, перестав смеяться. – Но я его очень люблю. Когда умерла мама, мне было всего два года, и он один вырастил меня. Это сейчас

он такой важный и деловой. А раньше куда только мы не ходили. Он простым инженером работал, но знает буквально все питерские музеи... – Девушка вздохнула. – Ну хорошо, давайте о своей охране. Только пообещайте, что когда-нибудь мне еще прочитаете стихи. Ладно?..

* * *

В этот же день Нине захотелось съездить в Пушкин, где в Большом дворце открылась новая выставка. Алексей, не успевший еще обзавестись помощниками, должен был сам сопровождать девушку на машине.

«Наверное, это к лучшему, – думал Нертов, проезжая мимо поворота на Пулковое, – еще одна-две таких экскурсии – и можно будет говорить если уж не о полном контакте, так о взаимопонимании с клиенткой».

Уже остались позади и КПП ГАИ, и поворот на Гатчину, а пустынные поля по сторонам дороги сменились рядами высоких деревьев, когда настойчиво запищал Нинин мобильник. Девушка поднесла трубку к уху.

– Да, я. Одна. Да, еду в Пушкин.

Потом она недолго слушала абонента. Вдруг ее губы задрожали:

– Что с ним случилось?.. Где он?.. Куда приехать?.. Я успею!.. Уже еду... Да-да, прямо сейчас!..

И, посмотрев на Алексея полными слез глазами, девушка взволнованно попросила его немедленно поворачивать и срочно ехать куда-то в район Красного Села, повторяя при этом, что они могут не успеть и не увидеть никогда отца.

Алексей прижал автомобиль к обочине и, не заглушая двигатель, прервал девушку:

– Так, теперь еще раз. Только спокойно и вразумительно: кто звонил и что произошло.

Нина, захлебываясь слезами, объяснила, что звонили из какого-то отделения милиции («Да я что, запомнила?»). Сказали, что Даутов попал в аварию, сейчас находится в крайне тяжелом состоянии и просил, чтобы разыскали падчерицу – хоть увидеть ее в последний раз. Нина пыталась объяснить, где надо свернуть с шоссе на какую-то боковую дорогу, указанную милиционерами, сокращавшую путь...

– У него же сердце больное, вы не понимаете, он сейчас умирает! – в отчаянии крикнула она.

Однако Алексей забрал у нее трубку и сам начал набирать номер, несмотря на то что Нина продолжала требовать немедленно ехать. Увидев, что она собирается выскочить из стоящей машины, Нертов схватил пассажирку за плечо и резко дернул назад.

– Пожалуйста, сидите спокойно. Сейчас поедem. Но я должен сначала позвонить. Куда-куда... Отцу вашему. На трубку. Он, слава богу, тоже один не катается. А так мы его можем долго проискать.

– Не можем. Мне точно объяснили, где папа, сразу за Красным Селом поворачиваем направо, там старая дорога на Котлы, я ездила когда-то по ней, через несколько километров будут хозяйственные постройки. Там папа и находится. Его нельзя транспортировать. Ну что же вы, не человек, вас что, в пробирке сделали? Давайте поедem скорее!..

Подопечная была близка к истерике, и Алексею пришлось применить немало усилий, чтобы она снова не попыталась рвануться спасать отчима, пока мнительный и бездушный охранник почему-то названивает по телефону.

Но трубка Даутова не отвечала. Бесстрастный женский голос сообщал, что «телефон вызываемого абонента выключен или находится вне зоны обслуживания». Алексей набрал номер офиса «Транскросса» и, представившись сотрудником приемной вице-мэра (если Даутов на месте – соединят обязательно!), попросил генерального директора. Секретарша ответила, что Даутов, к сожалению, час назад куда-то выехал за город и когда будет – неизвестно.

Ситуация окончательно перестала нравиться Нертову. Он не мог поверить, что, если произошло ДТП, бдительные гаишники сами выволокли тело пострадавшего из машины, оттащили его в некий придорожный свинарник и, стоя в окружении растерявшихся врачей, непостижимым образом выяснив номер трубки Нины, называют ей, вызывая для последнего прощания.

«Неизвестно, что случилось с Даутовым, но это – западня для его падчерицы, – окончательно решил Алексей, – значит, что ехать в сторону Красного Села или даже Пушкина ни в коем случае нельзя».

Следовало немедленно возвращаться назад, куда-нибудь пристраивать клиентку и попытаться разобраться в обстановке. И сделать это нужно немедленно. Оставалось одно препятствие – сама клиентка. Она была настроена решительно, несмотря на все старания охранника, намереваясь то ли снова попытаться удрать из машины, чтобы поймать попутку, то ли, еще хуже, попытаться располосовать своими нежными ноготками физиономию толстокожего, ничего не понимающего спутника.

«Вот подвалило счастье в первый же день работы, – подумал Алексей, – не вырубать же девчонку. Но как иначе убедить ее, что ехать в Красное Село нельзя?» И тут ему пришла в голову спасительная мысль. Только бы Нина поверила в его рассказ...

– Извините, это я во всем виноват. Я просто не думал, что будет такая реакция... Мы договорились с вашим отцом, что устроим сегодня проверку. Ну, будто бы мы уже во Франции... Будете ли вы меня слушаться во всем... Анатолий Семенович говорил, что будете, а я не верил. И правильно. Я попросил, чтобы он сам организовал звонок. Он сейчас должен быть дома... Нам следует вернуться к нему, и он все объяснит... Считайте, что это просто глупая шутка... У нас на возвращение всего час. Если этого не случится, значит, я не справился с вами и мне придется сменить службу...

Нина взглянула на Нертова, будто увидела его впервые. Казалось, наконец, до нее начал доходить смысл сказанного, и карие глаза девушки еще больше потемнели. Если бы взглядом можно было убить – от Алексея уже не осталось бы и мокрого места. Сколько ненависти и презрения было в молчании! Но Нина вдруг холодно и внешне почти спокойно скомандовала: «Хорошо. Поехали к отцу. Я хочу увидеть его».

Пока мчались к городу и позднее, петляя по забитым улицам, Алексей еще и еще раз старался прикинуть, куда же следует доставить Нину. По дороге он специально, чтобы сбить с толку свою спутницу, набрал номера двух бывших сослуживцев по банку, договариваясь с ними о встречах, а в промежутках между этими звонками безуспешно пытался дозвониться до Даутова. Когда машина застряла в пробке на Лиговке, ему это наконец удалось:

– Это Нертов. Нам надо немедленно встретиться. Где вы?..

Генеральный директор назвал адрес небольшого ресторанчика на Петроградской стороне, пообещав, что в течение ближайших двадцати минут закончит идущие здесь переговоры. Алексей еще раз перезвонил своим ребятам из банка и попросил их срочно подъехать по вопросу новой работы. Нина за всю обратную дорогу не проронила ни слова. Она безучастно разглядывала пыльные улицы через боковое стекло БМВ и так же молча согласилась подождать в обществе подкативших из банка охранников, пока Алексей сходит за ее отчимом в некий неизвестный падчерице адрес.

* * *

В ресторанчике Алексей доложил Даутову о происшедшем, но тот, казалось, отнесся ко всему достаточно спокойно:

– Мало ли какой идиот решил пошутить. Вон в газетах пишут, что у нас чуть ли не ежедневно в школах да магазинах бомбы закладывают. А на самом деле конкуренты да митрофа-

нушки всякие развлекаются. Но все равно, думаю, что действовали вы правильно: я не спец в таких делах и деньги зарабатываю иначе. С дочкой переговорю, постараюсь успокоить. Пригласите ее сюда, а сами подождите вместе с этими, как их, вашими коллегами, в машине. Я на них посмотрю немного позднее...

Алексей недооценил Даутова, решив, что тот не придавал большого значения происшедшему. Когда охранник падчерицы вышел из ресторана и направился к припаркованному за пару кварталов автомобилю, генеральный директор «Транскросса» тяжело вздохнул и набрал номер сыскаго агентства.

– Коля? Я в «Бубновом тузе». Встретимся через час. Возьми несколько человек, будет срочная работа...

Даутов размышлял о том, с какой стороны ему грозит сейчас опасность, кому и зачем понадобилась его дочь. Мысли были весьма неутешительными. Как ни крути, а выходило, что кто-то из достаточно приближенных людей затевает свою, непонятную игру. Только Анатолий Семенович никак не мог сообразить, кто именно. Немногочисленные компаньоны? Так они знают, что рыпаться против генерального директора чревато. Кроме того, например, Денис только спит и видит, как бы жениться на Нине, укрепив свои позиции в фирме; душка Неврюков, исполнительный директор, прекрасно понимает, что без Даутова совет директоров ни на день не оставит его в этой должности. Куценко? Этот, конечно, с радостью бы цапнул за горло, но только кишка тонка да и акций маловато – никакой выгоды от проблем главы фирмы он не получит. А может, этот кто-то – из руководства многочисленных дочерних компаний, желающих самоопределиться? Тоже сомнительно: слишком шатко их положение без поддержки «Транскросса», да и со связями слабовато. «Друзья» в руководстве города? Прodelки рубоповцев, которым никак не удастся прихватить хозяина процветающей фирмы? Собственная «крыша»?.. Даутов так и не мог прийти к какому-нибудь определенному предположению. Казалось, явных поводов для обид ни у кого не было. Но ведь сегодняшнее происшествие – не случайность, а, очевидно, попытка реванша после неудавшегося нападения на Конюшенной, о котором Анатолий Семенович так и не рассказал до сих пор новому охраннику.

Под лопатку будто кто-то начал медленно засовывать тупой нож. Лоб Даутова покрылся бисеринками пота. Хозяин «Транскросса» потянул рукой ворот рубашки, ослабляя галстук, и полез в карман за нитроглицерином. Сердце вроде бы потихонечку начало отпускатъ. Метрдотель, заметивший действия клиента, попытался подойти спросить, не нужна ли ему помощь, но Даутов только слабо махнул рукой, останавливая не в меру внимательного халдея.

Несмотря на недавний приступ, генеральный директор продолжал размышлять, почему оказалась разряженной батарея мобильного. Хорошо еще, что Даутову самому понадобилось позвонить в офис, а расторопный метр тут же притащил подзарядку. Но ведь кто-то знал, что Нина вдруг решила поехать в Пушкин, иначе чем объяснить выбор места «ДТП» за Красным Селом?..

«Кому же все-таки выгодно? – думал бизнесмен. – Узнаю – похороню. А узнаю обязательно. Я могу себе позволить знать все, а другие – нет. Средства у меня на это есть. Те деньги. Кто вовремя сообразил, как их можно сделать из родных „деревянных“? Я. А кому теперь известно, что денег оказалось побольше, чем все считают? Тоже только мне. И потому оснований для беспокойства быть не может, никто ничего не знает. Никто?..»

Даутов не успел обдумать мысль, промелькнувшую в его голове, так как в ресторан вошла падчерица. Правда, ее недавние переживания выдавал только чуть покрасневший от слез носик, но девушка была настроена крайне решительно.

– Это подло и низко так поступать, – с ходу выпалила она. – Я еще могу понять этого тупого охранника. Но как же ты мог, чтобы убедиться в моем послушании, устроить этот спектакль? Лучше я вообще никуда не поеду. Можешь меня вместо собаки хоть на цепь посадить,

только не смей больше со мной поступать как с бесчувственной скотиной... Я ведь и вправду поверила, что с тобой что-то случилось...

Девушка непроизвольно шмыгнула носиком, и на ее глаза вновь навернулись слезы.

– Ну-ну, успокойся, пожалуйста. – Даутов попытался погладить падчерицу по плечу, но она сердито отодвинулась. – Постарайся понять меня, девочка. Кроме тебя, у меня никого нет, и когда ты будешь за границей, то я должен быть твердо уверен, что с тобой ничего не случится. Извини, я неправ. Но больше подобное не произойдет. Ты веришь?..

Даутов, наверное, и дальше говорил Нине всякие благоглупости в том же духе, но, посмотрев на нее, вдруг смолк, поняв, что она не верит. Еще немного – и эту разрастающуюся трещина лжи будет не перепрыгнуть, он навсегда потеряет девочку. Поэтому Анатолий Семенович, собравшись с духом, объяснил падчерице, что произошло на самом деле.

– ...Если бы не Нертов, я не знаю, что с нами могло произойти. И ты на Алексея своего не сердись: он нормальный парень, это работа у него такая...

Как бы Нину ни шокировал рассказ отчима, но на «своего Алексея», казалось, девушка перестала дуться, и у нее в глазах запрыгали искорки, хотя внешне она выглядела достаточно обиженной: «С каких это пор этот мужлан стал „моим“? А Дениске ты что, от ворот поворот дашь?»

Даутов смутился, заговорив вроде того, что просто неправильно выразился, понимать сказанное надо проще, только в смысле организации охраны.

Эти оправдания показались Нине такими неуместными и беспомощными, что она хихикнула, ехидно заявив, мол, на воре и шапка горит, а брак с собственным телохранителем – это мечта только для принцессы Монако, да и то – неудачная. Девушка не представляла, насколько точно она уколола родителя, который старательно подыскивал дочке приличную пару.

Казалось бы, чем может быть интересен простой охранник для богатого бизнесмена? Но Даутов относился к Нертову серьезно, для него Алексей был больше, чем обычный сторож. Анатолий Семенович знал, что его отец, директор одного из крупнейших и перспективных заводов, лично владеет несколькими довольно соблазнительными пакетами акций. Кроме того, по сведениям Даутова, у промышленника были крепкие связи в Москве, и он вот-вот мог перебраться в министерское кресло. Что касается сыночка, так лучше умный и порядочный юрист, невесть почему развлекающийся (конечно же, временно!) охраной, чем самый близкий компаньон, разбогатевший на черном нале, а до того пачкавший людям мозги в райкоме комсомола.

Удалось руководителю «Транскросса» раскопать и то, что его бывший коллега, ныне покойный Лишков, сдал на откуп информацию о грядущей операции по обмену баксов именно команде, в которой был Нертов-старший. А уж каков оказался навар с тех «черных» понедельников-вторников, ему, Даутову, было доподлинно известно. И суммы собственных денег, положенных в надежные зарубежные банки, он помнил как «Отче наш». Знал он и то, как Алексей может глубоко копать, если нужда заставит. В любом случае парня пока следовало держать где-нибудь неподалеку: авось сгодится.

В общем, Даутов кое-как ушел от продолжения разговора о Нертове и, извинившись перед падчерицей, отправил ее восвояси, сославшись на неотложные дела. В знак примирения девушка чмокнула родителя в щеку и пошла к своему охраннику, чтобы наговорить каких-нибудь заслуженных гадостей, дабы жизнь медом не казалась...

* * *

В последующие дни Нертов умудрился перетащить в фирму несколько толковых ребят из банка. Основная задача бодигарда – не отразить нападение, а предугадать, предотвратить его. И поэтому подчиненные Алексея работали в полную силу. Когда Нина попыталась осторожно намекнуть, чтобы ее оставили в покое хотя бы на время свиданий с женихом, Нертов ответил

категорическим, хотя и вежливым отказом. Девушка вроде смирилась. Правда, охранник не очень поверил в ее искренность, но виду не подал.

Вообще, ситуация, складывающаяся вокруг Даутова и его падчерицы, Алексею нравилась все меньше. Во-первых, было очевидно, что клиент не вполне доверяет охране и, видимо, пользуется услугами еще других структур. Одна из них известна: агентство Николая Орлова. Но могли быть и еще. В любом случае делиться информацией с охранниками никто не спешил. Во-вторых, определенное беспокойство Алексей испытывал и от происшествий с тем звонком от «добрых милиционеров». Очевидно, что это не было случайностью.

Уже на следующий день после злополучного происшествия Нерттов оставил Нину в офисе на попечение двух телохранителей, а сам с третьим, бывшим опером, выехал в названное Нине «милиционерами» место. Там напарники исползали чуть ли не на карачках довольно внушительный участок, прилегающий к дороге, и осмотрели находившиеся неподалеку строения.

Видимо, это была заброшенная ферма, почившая в бозе на гребне перестройки и успешного развала совхозов. Пустые помещения напоминали дешевые декорации из американских боевиков, в финале которых оказывались положительные герои, чтобы расправиться с очередным Терминатором.

Если бы бывшие следователь военной прокуратуры и сотрудник уголовного розыска не были столь увлечены поисками, а провели обычный осмотр, вряд ли они бы заметили кусок прочной капроновой веревки, валявшийся у одной из стен. Ничего необычного в находке не было. Только на веревке отсутствовал слой жирной пыли, которым были покрыты все окружающие предметы; только неподалеку нашлось несколько свежих окурков от «Мальборо», которые местные аборигены вряд ли разбрасывали бы. У здания фермы удалось рассмотреть следы широких протекторов. На такой технике свинари ездят разве что в Оклахоме.

– Похоже на «Чероки», – хмыкнул бывший опер, – а парковался он, судя по всему, с тыла, подальше от дороги...

Алексей, посмотрев на следы протекторов, решил, что с коллегой можно согласиться. Он притащил из машины приобретенный по случаю настоящий следственный дипломат, достал оттуда фотоаппарат, несколько полиэтиленовых пакетиков. Затем тщательно отснял ферму и ее отдельные части с разных точек, осторожно пинцетом собрал окурки, упаковал их по отдельности в пакетики, после чего начал прыскать аэрозолем на следы протекторов и обуви, обнаруженные при осмотре.

Осмотр был окончен лишь поздно вечером. Все необходимые вещдоки изъяты, Алексей с напарником сели в машину и отправились в город, чтобы попытаться с утра договориться со знакомыми экспертами о дополнительном заработке.

Как ни убеждал Нерттова Даутов, но звонок не мог быть шуткой идиотствующего прогульщика – слишком много было совпадений, которых быть бы не должно.

Звонивший, безусловно, не только понаслышке знал о Нине и ее отчине. Он был информирован и о том, что девушка собралась ехать в Пушкин, и о том, что у нее не было спутников. Да-да, именно не было, потому, что, как мельком упомянул Даутов, предыдущие охранники были уволены им за тупость. Об этом, конечно, в «Транскроссе» было известно. Но, кроме Даутова, никто не в фирме не мог знать, что Алексей уже приступил к исполнению своих обязанностей. Конечно, следовало бы осторожно поинтересоваться, когда Нине пришла мысль о выставке и кто эту мысль ей мог подбросить. Следовало уточнить и обстоятельства отсутствия самого Даутова в офисе, а также что случилось с его мобильником.

«Впрочем, – решил Нерттов, – к этому вопросу мы еще вернемся. А пока главное – найти экспертов и дать команду моим ребятам осторожно собирать хабарики. Представляю, как обрадуются они такому поручению. Хотя это тоже – часть нашей работы. Пусть грязная, но необходимая. И еще: нужно добиться разрешения Даутова на привлечение Арчи с его контрой. Самим нам будет сложно потянуть все это дело...»

* * *

Самолет наконец-то произвел посадку в Пулково, и пассажиры зааплодировали, выражая пилоту свое восхищение, стараясь забыть страх высоты и побыстрее выбраться в город.

Марина задумчиво глядела в окно на мелькающие огни взлетной полосы и думала, что же она скажет Алексею при встрече. Согласившись на предложение тетушки отца прилететь в Петербург, девушка не задумывалась, какими будут ее встречи с прошлым. То, что Питер – прошлое, она не сомневалась: слишком много неприятных воспоминаний было связано с этим городом.

Марина знала, что ее должны встретить, поэтому не бросилась сразу же ловить такси, а решила сначала осмотреться. «Интересно, неужели сама тетушка приедет?» – подумала она, входя в зал для прибытия. Неподалеку стоял человек с рукописным плакатом: «Чеглокова». «Что за цирк, неужели моей фамилии не знают?» – Марина решительно направилась к тому человеку, но тот сам пошел навстречу, виновато улыбаясь.

– Извините, вы – Марина? Я встречаю именно вас, но только забыл фамилию, поэтому и написал так. А Наталье Сергеевне нездоровится, она мне показала вашу фотографию... Вы уж извините, сейчас отвезу. Где ваши вещи? Нет багажа? Тогда давайте поедем.

По дороге шофер предложил, если Марина не против, ненадолго заехать в АО «Транскросс», одним из владельцев акций которого являлся Чеглоков. В фирме надо забрать хозяйина авто, который любезно предоставил гостье свои авто по просьбе Натальи Сергеевны. А уж затем все вместе поедут к ней. Марине ехать в незнакомую фирму не хотелось, однако обижать людей она тоже не собиралась и поэтому согласилась с предложением.

Офис «Транскросса» занимал солидное здание неподалеку от одного из старинных городских парков. Марине предложили ненадолго зайти в фирму, чтобы она смогла познакомиться с остальными акционерами. Девушка готова была заявить, что вообще собирается продать или подарить акции и хочет поскорее увидеть Наталью Сергеевну, но водитель просил не обижать людей, заверив, что буквально через несколько минут они продолжат свой путь. Кроме того, из офиса Марина сможет позвонить домой, он так и сказал «домой», будто Марина всю жизнь жила в семье Чеглокова, предупредить тетю о приезде.

В просторном кабинете какие-то люди здоровались с гостьей, целовали ей руку, пока солидный господин («Генеральный директор», – представили его Марине) не заявил, что хватит мучить девушку разговорами, она, очевидно, устала с дороги. Поэтому все вопросы, связанные со вступлением Марины во владение акциями и вопросы ее возможного участия в управлении фирмой лучше все-таки обсудить утром.

– А может, сударыня захочет продать свои акции? Думаю, что это могла бы быть выгодная для вас сделка. – Даутов на секунду замолчал, но, не дождавшись ответа, заявил, что утро вечера мудренее, а пока гостью следует отправить отдыхать к семье.

– Вы не беспокойтесь, – генеральный директор участливо улыбнулся, – Денис Петрович заварил эту кашу, все спешит об акциях поговорить, но он такой же молодой, как вы, и не понимает поэтому, что после дороги не до разговоров... Так что, Денис, давай-ка команду своему шоферу, чтобы он мигом домчал Марину Андреевну по назначению, а сам не рвись провожать, лучше организуй для гостьи постоянный транспорт...

Марине было неудобно, что она причиняет столько хлопот людям, и, неловко попрощавшись, она пошла вслед за вызванным водителем, чтобы поскорее избавиться от необходимости улыбаться, расшаркиваться и говорить разные дежурные вежливые фразы.

После того как за Мариной закрылась дверь, хозяин кабинета выглянул в окно и, хмуро обращаясь ко всем присутствующим, спросил:

– Ну, какие будут предложения на сон грядущий?

В это время машина с гостьей вырулила на площадь и скрылась за деревьями прилегающего сада. Через несколько мгновений в кабинете зазвенели стекла от сильного взрыва. Присутствовавшие бросились к окну, но в сумерках увидели только отблески пламени, пробивавшиеся в просветах между темными деревьями.

– Что это? – охнул один из присутствующих, которого называли Денисом. Но ответа на свой вопрос не получил, так как в кабинет без стука влетел растерянный шофер.

– Извините, я только отошел, чтобы домой позвонить, а она уехала. Я не хотел... Денис Петрович, я правда случайно...

Водитель продолжал что-то невразумительно лепетать, но его никто не слушал. Денис с вмиг посеревшим лицом опустился на стул, шепча:

– Это же моя машина... Моя... Это меня взорвали...

Его стенания прервал резкий, похожий на окрик, голос генерального:

– Заткнись. Ты что, видел, чья это машина? Нет? Тогда сиди спокойно. Сейчас разберемся...

Даутов и сам не верил в то, что машина была чужая: поздним вечером только «Ниссан» Дениса промчался по пустынной площади. Снова неприятно заныло под лопаткой: садовые деревья сами, как известно, не взрываются...

Глава 3. Ошибка в объекте

Ситуация в «Транскроссе» складывалась не лучшим образом. Если, поступая на работу, Алексей мог еще в чем-то сомневаться, то события последних дней определенно показали: идет охота. Серьезная, по всем правилам искусства, но непонятно на кого и, главное, с неизвестным охотником и егерями.

Конечно, Нертов предполагал, что Нину пытались заманить на заброшенную ферму, чтобы попытаться потом вытрясти из Даутова деньги в обмен на жизнь падчерицы. Но у этих деятелей с поставкой информации дело обстояло неважно, так как они не просчитали элементарный вариант, что у падчерицы может появиться новый охранник. Впрочем, в любом деле могут быть накладки. Хотя на всякий случай следовало бы поискать недовольных генеральным директором «Транскросса» и, возможно, ушедших в последнее время с работы «по собственному желанию».

Когда Алексей попросил у Даутова разрешения на взаимодействие с сыскным агентством Николая – Арчи, Анатолий Семенович, казалось, отнесся к просьбе легкомысленно. «Ну, – махнул рукой Даутов, – раз уж тебе так хочется – действуй. Только смотри, чтобы после этого оставшиеся люди не разбежались». И Алексей пошел к Орлову...

Взрыв «Ниссана» был для Нертова просто ударом. Во-первых, никто не удосужился сообщить ему вовремя о происшествии. Лишь случайно, от Нины он узнал, что, дескать, взорвали машину Дениса Петровича. Жених Нины, по счастью, не пострадал, погибла лишь случайная пассажирка.

Если бы Алексей знал, что это та девушка, которая чуть не убила его отца и провела ночь с ним самим!..

Но члены совета директоров хранили упрямое молчание, Даутов огрызнулся, заявив: «Ты охраняешь Нину, так и охраняй. А в дела фирмы не лезь». Нертов не впервые слышал подобные нравоучения от клиентов, а потому не стал сразу спорить с Даутовым («Авось успокоится, тогда и поговорим»).

Поговорить телохранителю и генеральному директору было о чем. Нертов все больше приходил к убеждению, что какую бы конечную цель ни преследовал охотник, все равно взрыв так или иначе связан с Ниной: сгорела машина ее жениха (неужели Даутов забыл об этом?), в которой находилась какая-то девушка. Исключить версию, что убийца предполагал застигнуть в машине именно подопечную Алексея, мог только какой-нибудь опер-гинеколог.

Что касается всяких врачей и циркачей – их в то время в питерской милиции было предостаточно. Начальники райотделов смели только мечтать об офицерах с высшим юридическим образованием. В последнее время то и дело из-за нехватки кадров на службу приходилось принимать кого угодно: и уволенных по сокращению инженеров, и не нашедших работы театральных критиков, и уже упомянутых гинекологов.

Нертов удивлялся: ведь никому же не придет в голову совершенствовать деятельность нашей распрекрасной медицины с помощью юристов. Дать, скажем, следователю самоучитель по хирургии и доверить делать внутрисплетные операции, причем лучше – некоторым высокопоставленным чиновникам. Но почему же в таком случае врач может решать вопросы квалификации преступлений, отправляя людей надолго за решетку?

Что врач в полицейских погонах, что полицейский в белом халате – все это больше напоминало театр абсурда или, еще хуже, инквизицию. Впервые дилетантов допустили к охране правопорядка в 1917 году. Получил мандат и наган – иди, руководствуясь чувством «революционной законности», вершить правосудие и расстреливать. Но на дворе не 17-й и не 37-й. Почему же опять любой кухарке дозволено вершить судьбами людей?

Алексей помнил, что еще после увольнения из военной прокуратуры обдумывал, куда бы устроиться на работу. Первой мыслью было вернуться в РУВД, где когда-то проходил практику. Однажды, зайдя к своему бывшему наставнику, Нертов поинтересовался, как живет-поживает родная милиция. Умнейший Леонид Павлович Расков, проработавший в уголовке чуть ли не двадцать лет, только махнул рукой, мол, что может быть хорошего, если руководящие посты в министерствах и главках занимают то строители, то пожарники.

– Знаешь первый приказ последнего начальника ГУВД? – осведомился Расков. – Проверить исправность всех огнетушителей в подразделениях. Преступлений все больше, зарплату задерживают, опытные сотрудники бегут. Дошло до того, что на следственную работу начали брать людей, которые в ней понимают меньше, чем в балете: то инженеров, то врачей, а в одном из районов умудрились отыскать выпускника циркового училища.

...Алексей грустно усмехнулся, вспоминая гнев Раскова. Знал бы он тогда, что одним из первых приказов очередного руководителя питерской милиции будет требование покрасить в «веселенькие» пастельные тона все лестницы в райотделах. И упаси бог, если цвет будет просто синий или зеленый – заходи, обхохочешься!.. А чего стоила «лицензия» за подписью начальника ГУВД, разрешающая бомжу играть на гармошке в переходе метро у Московского вокзала?..

В общем, на милицию надежды было мало, и Нертов попросил Арчи прощупать ситуацию со взрывом. Но не успел получить отчет о работе, как настали даутовские именины, и Алексей отправился за город стеречь Нину на этом празднике.

* * *

Сквозь кроны золотистых сосен пробивались солнечные лучи, купаясь в небольших лужицах, оставшихся после ночного дождя. Гости, приехавшие в загородную резиденцию Даутова из пробензиненного города, казалось, пьянели не от рейнских вин и родной водочки, щедро наливаемой официантами, а от неопишуемой благодати Карельского перешейка, которую вот уже сколько лет все не удаётся до конца изгадить заезжим любителям отдыха.

Даутов праздновал именины, собрав на них всяких нужных людей, старательно изображавших чинную важность, а после нескольких тостов приходивших в естественное состояние. Для большинства оно было просто скотским. Впрочем, некоторые находили силы привести себя в порядок и, выгрузив принятое, уединиться, чтобы без помех решить деловые вопросы.

Даже члены совета директоров «Транскросса», видевшие друг друга чуть ли не каждую неделю, и те вели себя по принципу: «На работе – о бабах, на отдыхе – о делах». Один из них, кругленький и розовощекеный, как поросенок, торопливо сунул стоящему рядом Денису пачку долларов и горячо зашептал, что возвращает старый долг. «Не обессудь за задержку. Так вышло. Но мы же свои люди – сочтемся». Денис, взяв деньги, сунул их во внутренний карман пиджака: «Ты, Витя, меня здорово подвел, я хотел Нине купить кольцо по случаю, а оно теперь ушло. Так что дружба дружбой, а денежки с тобой, видно, врозь надо держать».

Хозяин праздника тоже больше думал не о поздравлениях, а о делах. Отойдя от группы гостей, он тихо беседовал со своим спутником, у которого из-под мешковатых брюк выглядывали форменные хлопчатобумажные носки.

– Мне очень не нравятся события последних дней, – говорил Анатолий Семенович, – и твоя контора тоже непонятна. За что я людям деньги плачу? Уже новый телохранитель моей дочери начал врубаться, что где-то ползает подонок, охочий до чужого. А ты все меня завтраками кормишь. Я же не главк, мне отписки всякие не нужны.

– Вы же знаете, Анатолий Семенович, что мы стараемся. Но пока никаких концов нет. – Собеседник Даутова отер платком потный лоб. – И Нертова вашего проверяем. И остальных.

– Меня не интересуют ваши ментовские штучки. Проверяйте кого хотите и как хотите, хоть в задницы заглядывайте, но мне нужны люди, фамилии, причем немедленно, – резко перебил собеседника Даутов. Он посмотрел на насупившегося визави и несколько смягчил интонацию. – Пойми, Саша, мне обязательно нужно знать, с какой стороны ждать удара: Нина – единственная моя слабость. Если с девочкой что-нибудь случится...

Даутов безнадежно махнул рукой, а его собеседник понимающе вздохнул.

– Вы не волнуйтесь, Анатолий Семенович, я правда накрутил хвосты своим операм, думаю, все образуется. Кстати, вы кому-нибудь давали команду проверить ту ферму, ну куда падчерица ваша должна была приехать?

Даутов недоуменно помотал головой, на что милицейский начальник сообщил, что при осмотре места «встречи» Нины с «умирающим» Даутовым оперативники обнаружили любопытные детали: до них там кто-то плотно поработал, так как само здание фермы сгорело (пожарные установили следы поджога). А около фермы были найдены следы гипса. Возможно, с его помощью пытались снять то ли отпечатки обуви, то ли следы шин...

Даутов, давая понять, что разговор окончен, взял собеседника под локоть и повел к группе гостей, а сам подумал, что, видно, не ошибся в Нертове. «Надо будет спросить у парня, что он успел разнюхать». – Даутов выискивал глазами Алексея. А тот в это время стоял, затерявшись среди гостей, несколько позади Нины, которая весело щебетала с двумя ярко накрашенными девицами.

Вроде все было спокойно: участок, на котором находился «сиротский домик» Даутова, контролировался службой безопасности «Транскросса». Добрую половину гостей сопровождали охранники разных мастей от стриженных качков, непонятно как втиснутых в непривычные пиджаки и важно помахивающих удочками переговорников, до вежливых молодых людей, напоминающих выправкой строевых офицеров и задумчиво бормотающих что-то в упрятанные под одеждой микрофоны. Правда, большинство «прислуги» осталось за границами участка, где происходило торжество.

Но вся эта суета не нравилась Алексею, который живо представил, как трудно будет разобратся с такой массой разношерстной публики, случись что серьезное. И как легко затеряться в этой неразберихе, задумай кто из гостей какой-нибудь сюрприз. Поэтому Нертов и находился неотлучно около Нины. Его ребята, как и большинство других бодигардов, сиротливо скучали за воротами участка, изображая полное безразличие к происходящему.

«У меня определенно начинается мания преследования, – невесело подумал Алексей, – пора плюнуть на все и идти в адвокаты. Накручиваю тут, что девчонке что-то грозит, а на самом деле все – только глюки замотанного охранника...»

Впрочем, Нертов скорее пытался обмануть себя. Слишком много совпадений. Слишком...

От мрачных раздумий его оторвал Даутов, который, положив Алексею руку на плечо, сказал, что необходимо срочно переговорить. Поймав недоуменный взгляд, брошенный в сторону Нины, Анатолий Семенович заметил, что здесь все свои и благодаря службе безопасности «Транскросса» Нертов может немного расслабиться.

Даутов увлек Алексея в дом и в просторном, со вкусом по-городскому обставленном кабинете поинтересовался результатами проверки, которую Нертов проводил после анонимного звонка. Охранник не стал скрывать, что именно он осматривал ферму, куда должна была приехать Нина. При этом Нертов, зная, как быстро может стать достоянием широкой публики любая информация, предусмотрительно умолчал о найденных окурках и с удивлением узнал, что вскоре здание сгорело.

Беседа, затеянная Даутовым, была хорошим поводом высказать ему претензии по поводу утаивания информации. Однако Анатолий Семенович ждал их. Пробормотав что-то о несты-

ковке разных служб, пообещал помочь Алексею ознакомиться со всеми материалами, которые удастся добыть.

– Ты, кстати, должен был слышать о пассажирке машины: это дочь твоего прежнего шефа Чеглокова. – Даутов уставился на собеседника, как бы проверяя его реакцию.

– Марина? – ахнул Нертов. – Войцеховская? Что с ней?

Анатолий Семенович коротко рассказал, что произошло в тот вечер, когда взорвалась машина Дениса, а затем поинтересовался, понял ли Алексей теперь, почему понадобилось охранять Нину и какую ответственность придется нести, если что. Про это «если что» думать не хотелось. Алексей все больше убеждался, что между делом покойного Чеглокова и «Транскроссом» есть некая прочная связь, которую никак не удастся нащупать. И эта связь – не только глава фирмы. Нужно было побыть одному, все еще раз хорошенько обдумать, просчитать. А потом получить информацию. Всю, которую удастся собрать, причем как можно быстрее.

Коммерсант, казалось, угадал эти мысли:

– Ладно, иди пока, взвесь все. Сегодня я дам тебе право отказаться от работы и уйти. Но только сегодня. И решение я хочу услышать до конца праздника. Все наработки, которые у меня уже есть, увидишь вечером. Иди к Нине...

Нертов, спустившись с крыльца, вернулся к гостям. Две девицы, с которыми Нина раньше беседовала, нашли себе какого-то кавалера и заливисто хохотали над его остротами, в то время как рассказчик поочередно хлопывал благодарных слушательниц пониже талий. Судя по всему, девицам это нравилось чрезвычайно. Но самой Нины нигде не было. Алексей быстро проскочил по участку, пытаясь выяснить у парней из охраны, не встречали ли они дочку генерального. Один из охранников сказал, что вроде бы она проходила мимо в сторону леса.

– Погуляет – вернется: девица в полном соку, – тупо хохотнул парень, по всей видимости уже не раз подходивший к фуршетному столу.

Алексей чуть не выругался и, уточнив примерное направление, куда ушла Нина, связался со своими ребятами, дав команду на поиск.

* * *

...Нина, оставшись без присмотра, устала болтать ни о чем с собеседницами, у которых интеллект был не выше поясов коротеньких юбок. Она повысматривала, кто бы мог избавить ее от наскучившего общества, и вдруг заметила, как Денис потихоньку удаляется куда-то вглубь участка. Думая, что ему также опостылела праздничная тягомотина, Нина, извинившись, прервала разговор и двинулась за женихом. Однако Денис заявил, что у него есть еще неотложные дела, которые он просто обязан решить.

– А потом, я с тобой полностью солидарен, давай смотаемся отсюда. Дойдем до соседней станции, это километра четыре, не больше, сядем на поезд и как нормальные люди поедem куда глаза глядят...

В разговоре выяснилось, что глаза Дениса глядели на его питерскую квартиру, где припрятан свадебный сюрприз, ожидающий прихода Нины, что заплеванная и изрезанная ножами электричка – вовсе не обязательный элемент путешествия, а на трассе можно поймать машину. В общем, Нина согласилась немного подождать и попросила, чтобы Денис не очень задерживался, а то «у меня телохранитель ужасно строгий. Ну просто липучка». Денис заметил, что строг не бодигард, а папочка Нины, окруживший ее плотным кольцом охранников, готовых даже свечи над кроватью держать, только бы выслужиться. Девушка не стала спорить и еще раз попросила Дениса поторопиться.

Когда широкая спина Дениса Петровича все-таки скрылась за углом дома, Нина двинулась следом. Она не могла бы объяснить себе, почему так поступает: может, просто по осмеи-

ваемой сильным полом женской логике – сделать не так, как бы следовало, а просто потому что. А может, она подсознательно сообразила, что все гости находятся около дома, а не в глубине участка и никакой поднабравшийся субъект не помешает прогулке. Во всяком случае, девушка шла за женихом, уже миновавшим забор усадьбы и удалявшимся в сторону леса.

Боясь, что Денис ее заметит, Нина чуть приотсталась, потом заметила, как две белки дерутся из-за шишки, натолкнулась на кустики земляники, отвлеклась и окончательно потеряла жениха из виду. «А, ну и пусть, – решила девушка, – раз он такой занятой, дойду сама до станции, а там решу, как быть дальше: то ли уехать в город, оставив слишком делового Дениса с моим бессердечным охранником недоумевать, куда же я запропастилась, то ли вернуться на дачу к отцу».

Размышляя таким образом, Нина вышла на неширокую лесную дорогу – каменку, очевидно ведущую к станции кратким путем, и не спеша пошла по ней. Потом девушке надоело ковылять в туфлях по камням и она присела на валун, чтобы скинуть обувь и идти босиком. Вдруг впереди послышались невнятные голоса. Нина на всякий случай спряталась за придорожными кустами. «Вот дуреха, – мелькнула мысль, – неужели теперь, как папа, всего бояться буду?» – И хотела вернуться на дорогу. Но из-за поворота вышли двое. Увидев их, Нина замерла.

Один из собеседников был ее Денис. Но другой человек...

По-хозяйски взяв под руку Нининою жениха, рядом с ним вышагивала какая-то смазливая девица.

– Так вот они, деловые переговоры! – Нина резко шагнула вперед, на дорогу.

Денис отпрянул от своей спутницы и довольно бессвязно залепетал, что это лишь случайная знакомая, ничего между ними не было и Катя...

– Ах, ее, оказывается, Катей зовут, – Нина даже задохнулась от негодования, – не скажу, что очень приятно. Но не буду вам мешать...

Девушка хотела уйти, но Денис догнал ее, схватив за руку: «Подожди...» Наверное, он выглядел чересчур напуганным и смешным, потому что в этот момент его спутница хихикнула. Нина не стерпела. Она, развернувшись, залепила жениху звонкую затрепину и решительно направилась назад, к дому, оставив обалдевшего Дениса с девицей посреди дороги.

Только отойдя на приличное расстояние, Нина свернула в лес и, сев на поваленное дерево, валяющееся на полянке, разрыдалась. Она знала, что, наверное, была неправа, не разобравшись в происшедшем и ударив жениха. Но, с другой стороны, встреча в лесу оказалась последней каплей, которая должна была все равно когда-нибудь переполнить чашу терпения.

Дело в том, что Нина Дениса не более чем терпела. Она воспринимала настойчивые ухаживания сперва из любопытства, а потом – скорее по привычке. Да и отчим то и дело намекал, что пора бы уж ей выйти замуж, не пресекая ухаживаний своего компаньона. Сегодняшнее происшествие вывело девушку из себя. «Этот слизняк, – злилась она, – только что пытался затащить меня в постель и тут же какую-то шлюху подцепил. Нет, все-таки я правильно ему по морде дала – пусть знает свое место. А отчим...»

Отчим. Он любил ее больше, чем родную дочь, и Нина понимала: это естественно. Дочка – она и есть дочка. Ее можно целовать. На нее также можно кричать. Но Нина была для Анатолия Семеновича еще и тенью своей матери. Поэтому Нина нередко сознавала это, она часто пользовалась всеми правами взбалмошной девчонки: хочу гулять с тем парнем – и точка, хочу на Лазурное побережье – и точка, хочу себе в охранники вот того чудака – и точка.

Хотя... Об этом было думать очень неприятно. Однако разобраться немного – и сразу становилось ясно: не все выходило по ее желанию. Даутов опекал ее заботливо, ненавязчиво: так отец, обучающий малыша плавать, держит в воде под его попкой свою мощную ладонь. Вроде бы свобода, да не утонуть.

Еще со школы, со старших классов, Нина была вдалеке от подруг. На переменах, конечно, общалась с одноклассницами. Но свободная девичья болтовня начиналась, когда они шли домой. А Нине с ними было не пойти: у крыльца ее ждала машина. Даже когда она подвозила Таню с Аленой, все равно подруги жались на заднем сиденье и гадали, откуда у Нинки «Волга» с шофером. Может, и не гадали, но сказать не решались. Впрочем, как бы мало ни знала Нина о делах отчима, даже догадками делиться с подружками не собиралась.

И в университете ощущался тот же ненавязчивый, но неусыпный глаз. Нина не могла забыть, как, зайдя на одну из кафедр, невольно подслушала беседу двух преподавателей. «... Климова...» – донеслось из-за шкафа, разделяющего комнату на два закутка. Девушка насто-рожилась. «...какая молодчина! Дочь такого человека, а трудится не хуже остальных. А ведь понимает, что, если бы даже не ходила на лекции, все равно получила бы свои зачеты автома-том».

Кроме того, история с Костей... Прогулки по набережным, кафешки до закрытия, новые прогулки. «Нинка, а за нами вроде бы следят». – «Да, но не те, о ком ты подумал, не бойся». Пару ночей он провел в ее квартире; Даутов не возражал. Сейчас же на дворе не тот замшелый век, когда родне жениха полагалось отвозить простыню с брачного ложа. Но Костя был кавалер с придурию. Он хотел свозить Нину в Смоленск, откуда и приехал в Питер. Причем автостопом. «Хотел бы я посмотреть, будут за нами следить или нет», – смеялся он.

Поездка не состоялась. Костя вдруг изменился, стал избегать Нины, а однажды пришел на ее день рождения с подругой. Попрощался. Нина тогда чуть не убежала, но осталась и запом-нила, как отчим пару раз одобрительно улыбнулся Косте. Лишь позже она сообразила: про-вели с ее дружкой воспитательную беседу и сделали некое эксклюзивное предложение. А он не отказался, ибо парнем был не только романтичным, но и умным.

Нине стало еще тоскливей. Кто и когда придумал, что она внимательная? Сколько вокруг было парней, смотревших на нее, задерживавшихся на набережной напротив Медного всад-ника, иногда приглашавших в кафе? Почему потом не шли дальше? Может, и с ними прово-дились душещипательные беседы? И весь круг ее общения создавал Даутов – как садовод, раз-бивший главную клумбу, неторопливо прикидывает: какие цветочки должны расцвести? Вот Светлана, дама не очень умная, но сообразительная. Не выполняет ли она поручение Анатолия Семеновича, навещая ее? Отрекомендовала ей телохранителя. Конечно же, все было заранее обговорено в офисе Даутова. И Алексея нашел отчим, который всего лишь деликатно помог падчерице остаться в приятном заблуждении: выбор был за ней. «Кстати, интересно, а любит ли меня Денис хоть чуть-чуть? Звучит банально, как в старых романах. Но правду и только правду: за мной деньги. Неизмеримо бóльшие, чем те, что Денис перекладывает на вечерин-ках из кармана в карман. Впрочем, и меня он тоже любит. Как приложение к денежкам. Итак, папочка милый, подыскал ты мне подруг, друзей, жениха...»

Нина почувствовала боль в руке. Она так углубилась в свои мысли, что не заметила двух комаров, занятых мелким вампирством. «И комаров он наслал, чтоб не засиживалась, скорее возвращалась к пьяным гостям и неверному жениху», – рассмеялась она, вставая. Смех был грустный и почти сразу потонул в шуме стволов. «В березняке – целоваться, в сосняке – весе-литься, в ельнике – удавиться», – вспомнилось уместное присловье. «Вокруг – сосны. Значит, надо веселиться». – Нина постаралась рассмеяться еще раз. Не получилось.

Будучи поглощена своими мыслями, она не услышала, как по каменке в направлении станции быстро прошли несколько охранников, возглавляемых Нертовым. И уж никак девушка не могла знать, что в нескольких сотнях метров от ее поляны группа Алексея наткнется на лежащего в канаве Дениса. Предприниматель не шевелился, а волосы на его затылке намokли и слиплись от крови.

* * *

Алексей вышел из-за поворота и увидел человека, валявшегося на обочине. Нертов понял сразу, что лежащим может быть только кто-то из имеющих отношение к даутовским именинам; простым туристам в этих краях делать было нечего. Еще несколько шагов, и он узнал Дениса.

Парню досталось крепко. Лица почти не было видно из-за залившей его крови. Кровью была забрызгана и грязная, раздавленная колесами трава, умудрившаяся вырасти на обочине. Однако за годы работы на государственной службе и в частной конторе Алексею приходилось множество раз сталкиваться с лежащими телами, и он сразу понял: человек жив. Еще Нертов сразу приметил любопытную деталь: на длинной волосатой руке Дениса блестел «Ролекс». Или те, кто напал на жениха Нины, унесли более ценное, чем дорогие часы, или их вообще не интересовала никакая добыча.

Но о том, что случилось с бедолагой Денисом, Нертов почти не думал. Его мысли были посвящены только человеку, которого ему надо было охранять. То есть Нине.

Алексей заглянул в канаву, заранее предчувствуя, как ужаснется, увидев там тело девушки. Но испугался еще больше: Нины там не было. Он спрыгнул на почти высохшее дно, увязнув по щиколотку в бурой жиже, и оглянулся. Но девушку все равно не увидел.

Алексей снова выскочил на бровку и одним прыжком оказался возле Дениса.

– Денис, что с ней? – Денис молчал и только медленно вздыхал, как после долгой пробежки. Алексей нагнулся к нему.

– Что с ней случилось? Ну, отвечай, ты же ее жених!

– Увезли, – едва прошептал Денис, приподняв голову, после чего опять растянулся на пыльной обочине.

Алексей медленно приподнялся.

«Так вот, охранничек. Рашен бодигард. Потеря второго объекта. А еще пытался уверить себя, что Чеглоков погиб только по своей вине. Взятся стеречь девку, специалист хренов. Разболтался с папашей, как салажонок, как дешевый лопух! „Осмотрел ферму, имею особое мнение“. Тебе надо стеречь, а не иметь мнения. Вот ее и увезли, будут ей специалисты читать Мольера в подлиннике, пока не расколется, не расскажет о папиных деньгах. Может, и не расколется, потому что знает только Вуатюра и Буало, а в разных дерьмовых денежных вопросах не сечет ни хрена...»

Захотелось заорать от злости. Он понял, что этот объект охраны был для него чем-то другим, чем толстосум Чеглоков. Нет, не любовь-морковь, о какой тут любви может идти речь? Просто жалко девчонку, умную и норовистую, которой придется погибнуть в муках, ибо ничего не знает о спрятанных миллионах любимого отчима. «Такой вот финал карьеры, умник. Второй загубленный объект. В говночисты теперь идти, что ли? Только если тот, кто, узнав мои прежние трудовые заслуги, не испугается доверить мне машину с дерьмом».

Однако эти мысли не мешали Алексею работать. Он уже распорядился прислать транспорт и найти на даутовской базе медика, а двое ребят осматривали придорожные кусты. Сам же Нертов машинально, но зорко глядел по сторонам. И на расстоянии четырех-пяти метров от лежащего Дениса он заметил какой-то блестящий предмет. Одним прыжком преодолев канаву, Алексей поднял из-под желтоватого папоротника тяжелый серебряный браслет.

Нертов перевел дух. Это было не Нинино украшение. Во-первых, его он видел впервые. Между тем уже был настолько знаком с кольцами и серьгами Нины (охранник должен знать об объекте все), что приметил бы их даже на ювелирной выставке. Во-вторых, Нина никогда не надела бы такую побрякушку – свидетельство богатства, но не вкуса. Это было аляповатое, массивное, хотя и затейливое изделие турецкого ювелира. Тот, кто умеет торговаться на базаре, привозит их из Анталии связками.

Где же тогда Нина? У Алексея опять екнуло сердце. Денис гулял с неизвестной девушкой. А если они гуляли вдвоем? Хорошая команда могла без проблем скрутить и одну, и двух девчонок. Кому легче оттого, что Нина схвачена не одна?

Надо было звонить и самому Даутову. Кстати, заодно следовало распорядиться, чтобы врач не ехал сюда, а остался на месте. Когда бизнесмен узнает об исчезновении дочери, медику предстоит не менее серьезная работа. Или не звонить? Алексей вышел на горячую дорогу и вдруг, вспомнив детство, когда он раньше родителей выскакивал из малинника на лесную тропку, сложил руки рупором и заорал изо всех сил:

– Нина! Нина! Ау!

Ответа не было. Ему показалось, будто его ребята смотрят на него с удивлением. Тем не менее глупость надо было доводить до конца.

– Нина-а!

Солнце ударило в глаза, Алексей на миг зажмурился и отвернулся. Перед глазами поплыли малиновые круги, и среди них он увидел девушку, выглядывающую из-за кустов в нескольких десятках метров от него.

Глюк?!

Алексей протер глаза. Это была Нина.

– Ау! – насмешливо крикнула она. – Заблудился?

И вдруг замолчала, ибо увидела охранников, столпившихся над Денисом, который уже немного оклемался и пытался подняться.

* * *

Алексей не ошибся. Безвкусный браслет действительно принадлежал не Нине, а Кате, которая в этот момент находилась на заднем сиденье «девятки», стиснутая с двух сторон тушами быков. Катерина вздрагивала, словно то ли икала, то ли ее тошнило. Ей казалось, что вокруг какой-то кошмар, который сейчас кончится и она снова окажется на лесной дороге с Денисом под руку. Конечно, во всем виновата она сама и никаких оправданий. Целый месяц дулась на своего Боря: почти забросил, работы, видите ли, больше, чем у папы Карло. Вчера заглянул на часок и даже в кровати не расставался с трубой, все названивал партнерам. Тогда она и услышала про ту маленькую станцию, в двух километрах от которой большая шишка Даутов справляет именины.

Пригласить ее Борис и не подумал. Ничего. Без него приглашусь. Катерина приехала, оставила машину подальше, а сама бродила неподалеку от даутовской дачи. Кто знает, какие дела у ее Бориса? Может, сейчас пойдет прогуляться в лесок, там пьяный, с такой же разморенной от жары и «Мартини» подругой? Вот тогда она и выйдет из-за кусточка: «Привет, родимый».

Однако на лесной дорожке встретился ей не Боря, а Денис. Катерина признала его сразу. Они познакомились года три назад в ночном клубе среднего разряда, где можно было и напиться, и наплясаться, и подрасться вволю всего за полсотни баксов. Кате приглянулся этот серьезный мальчик в костюме от Армани. Был он вежлив, раскован, но то и дело демонстрировал, мол, у меня есть более серьезные дела, чем развлекаться всю ночь. Почти каждый час он выскакивал на улицу и брался за мобильник – общался с компаньонами. Кроме того, у него водились деньги, что в то время не могло не привлекать Катю.

Они несколько раз встречались. Катерина была бы не прочь поставить отношения если не на законную, то на постоянную основу. Однако месяца через три Денис охладел к ней, клуб не посещал, домой не звонил. Может, Катю место заняла другая, более крутая или, скорее, более выгодная женщина. А может, он узнал, чем занимается его любовь в «Невском Паласе»...

Теперь они встретились. После удивленных вопросов: «Откуда ты?» – «А ты как здесь оказалась?» началась теплая беседа. Денис успел объяснить ей, почему он не в настроении: довела дура-невеста. «Корчит из себя принцессу, окончившую Оксфорд. О делах не поговорить. Вот с тобой – другое дело. Ты, Катя, всем хороша».

У Катерины, опьяненной жарким лесным духом не меньше, чем Денис коньяком, мелькнула мысль: не поискать ли за кусточком мягкое местечко, не показать ли Денису, что она и впрямь по-прежнему сильна во всех отношениях. С другой стороны, не ровен час, повстречается им Боря. А такие дела он не любит...

Но вместо Бори их застучала невеста. Обычная бабья сцена: Катя уже думала, не придется ли самой драться. Но обошлось. Девчонка распустила ручки, а после убежала в лес, узнав о Денисе то, что Катерина знала давным-давно. Пришлось опять прогуливаться по дорожке, болтая о том о сем...

Все началось внезапно. Очередная раздраженная фраза Дениса (эта стерва-невеста вывела его из себя) оказалась незаконченной. Вокруг них мгновенно оказались трое бритоголовых парней, вылетевших из-за придорожного кустарника.

Столь же мгновенно действовал и Денис. Первому из нападающих он угодил носком ботинка в живот, и противник, согнувшись, как от приступа гастрита, сел на асфальт. Но это действие на секунду заставило Дениса потерять равновесие, и второй парень сшиб его ударом кулака. Третий с размаха пнул ногой упавшего, и тот растянулся на горячей дорожной корке, раскинув руки.

После этого второй нападавший и уже поднявшийся первый занимались только Денисом. Они пинали его ногами, как утрамбовывают почву. Катерине казалось, что перед каждым ударом они на секунду замирали с поднятой ногой, видимо прицеливаясь, желая нанести особо сильный удар. Третий парень схватил за шею Катерину. Большинство девок в такой ситуации заорали бы дурниной, но Катя отлично понимала: тот, кто умеет делать такой зажим, сможет сдавить еще сильнее. Проще говоря, шею свернуть. Сейчас надо было быть послушной, чтобы избежать лишних неприятностей.

Парень поволок свою жертву к кустам. Краем глаза Катерина успела заметить, что его напарники перестали бить Дениса. Один из них нагнулся над телом, ловко сунул руку во внутренний карман, будто это была его собственная куртка, и достал пачку купюр.

Конечно, это не особенно интересовало Катю в эту минуту. Она уже высматривала уютную полянку, куда ее приволокут и бросят на траву раздетой. Однако задача у нападавших была иной. Среди кустов мелькнул малиновый бок отлично замаскированной машины. Сюда-то похититель и притащил девушку. Почти сразу рядом оказались оба его запыхавшихся и покрасневших товарища. Открыв салон, они впихнули туда Катерину, как второпях втискивают буханку в хозяйственную сумку. Взревел мотор, песок вперемешку с листьями брусники полетел из-под колес, и «девятка» вымахнула на дорогу. Было слышно, как вслед за ними выехала еще одна тачка: видимо, в ней сидела группа прикрытия.

Удостовериться в этом было нелегко. Парни сжимали Катерину с обеих сторон, не позволяя повернуть голову. В машине пахло удушливой смесью дрянного одеколона и потных тел. Горячие толстые пальцы сновали по телу девушки, будто пытались что-то отыскать под платьем. Катя вскрикнула от боли и отвращения, когда невидимая ей рука расстегнула брюки, залезла в трусики, ощупала там все и под конец сильно дернула за волосы. Больше кричать она не пыталась, ибо в тот же момент другой парень заткнул ей рот потной ладонью – казалось, соленые капли попали на язык. Другой рукой он схватил Катю за грудь и несколько раз сжал ее между пальцев.

Потом похитители утомились. Они по-прежнему сжимали пленницу, давая ей понять: если она дернется и закричит – будет хуже. Однако забавы прекратились.

«Что им надо? – не понимала Катя. – Украли, чтобы отомстить Борису? Хотят выкуп? Или это секретное ментовское подразделение, уничтожающее даже завязавших проституток?» Со страха в голову могла прийти и не такая чушь. Ответа на эти вопросы не было. Катерине приходилось попадать и в милицейские упаковки, и в бандитские машины. Ей обещали и пропустить через все милицейское отделение, и познакомить с «чеченской Камасутрой». Только впервые ради нее одной были задействованы такие мощные силы. «Столько народа посылают, будто банкира скрутить или ухлопать, – подумала она. – И не надо было ждать, когда я захочу в лесу прогуляться: в городе поймать еще проще. Непонятно». Еще надо было сообразить, как себя вести, попытаться объяснить этим ребятам, что они лопухнулись. Что у них будут не деньги, а масса проблем. И вообще, держать себя на понтах. Она ведь уже не девочка из «Невского Паласа», а женщина Бори. А он, как только узнает, в какую переделку она попала, быстро вправит мозги этим неумытым отморозкам.

Она вспомнила первый день знакомства с Борисом. Тогда она уже привыкла к своей ежевечерней работе и научилась находить клиентов почти сразу. Вот и в тот раз ее подцепил симпатичный парнишка, физиономия которого напоминала рекламу модного средства от прыщей.

– Привет, топ-модель, – осклабился он. – Вечер свободен?

– И вечер, и ночер, – ответила Катя. – Ты хочешь чего-нибудь предложить?

Стильный парнишка достал бумажку в сто баксов...

Пару минут спустя Виталик (так представился юноша) уже вел машину, болтая о том, как он сегодня устал и очень хочет отдохнуть. Остановившись на Моховой, Виталик небрежно захлопнул машину, и они вошли в подъезд...

Но оказалось, что в квартире уже располагается целая компания, настроенная по отношению к гостье весьма недружелюбно, более того, по-скотски.

Кате, правда, удалось, пшикнув Виталику в глаза дезодорантом, выскочить на улицу, слыша за спиной крики расстроенной компании и топот ног. Под этот аккомпанемент Катя промчалась два дома и вдруг услышала новый звук – взвизг тормозов, затем увидела «Мерседес», выезжавший из арки и остановившийся прямо перед ней. Все, что смогла сделать Катя – упасть на бампер, не очень сильно ударившись.

– Идиотка, ты же меня чуть не задавила, – неторопливо и беззлобно констатировал происшествие водитель. – Собаки за тобой гонятся?

Однако он тотчас же понял, что гонятся вовсе не собаки. Парни подскочили к Кате и вцепились в нее, будто боясь, что она сейчас перелезет через машину и побежит опять. Она же была почти без сознания, не столько от удара, сколько от страха, которого не было еще в квартире, но который нагнал ее здесь, вместе с парнями...

– Эй! – Водитель распахнул дверцу. – Пацаны, выкладывайте, чего вы на нее наехали...

– Ты, пля, фильтруй базар. – Ближайший парень, тяжело дыша, нагнулся к водителю. И затих, ибо в нос ему уперся ствол «стечкина».

– Сядь на хвостик, – велел водитель. – И остальные. Быстро!

Все сели. Лишь один Виталик, теревший глаза, замешкался, но друзья дернули его за ноги: поторопись, жить, дурак, не хочешь?

– Я тороплюсь, – повторил водитель, продолжая поигрывать пистолетом. – В чем дело?

– Мы ее выпить пригласили, а она психанула, – запинаясь, пролепетал один из парней.

– С тобой ясно. А ты что скажешь? – обратился незнакомец к Кате.

Та уже пришла в себя и поведала все до того момента, когда ей сказали про сюрприз. Водитель прервал ее.

– А куртку им в залог оставила? Мальчик, – пистолет как указательный палец ткнулся в одного из парней, – сбегай-ка на квартиру, принеси ее куртку.

– Ну, знаешь... – открыл было рот один из парней, но водитель не дал ему договорить:

– Ты на кого работаешь? Или партизанишь?

Парень начал распинаться о каких-то тамбовцах, но Катин спаситель перебил его:
– За такие базары можно всю жизнь с ответа не слезать. Если она будет долгой. Ты – фуфлыжник.

«Тамбовец» что-то пробурчал в ответ, а водитель взял другой рукой трубку:

– Саня. Я еще внизу. Тут гопа быкует. Пошли людей, разобраться надо...

Когда несостоявшиеся кавалеры ретировались, Катин спаситель, представившийся Борисом, предложил подвезти ее...

В этот день до «Невского Паласа» она так и не доехала, а оказалась у Бориса на квартире. Находчивая девица ему приглянулась. И вскоре ей уже не надо было ездить на работу. Она нашла своего «папика». Ей повезло. Боря не обижал, давал деньги. Сам же он если и загуливал, то делал это очень ловко, она и не замечала, поэтому Боре не перечила. Никогда не делала то, что он бы не одобрил. Лишь вчера, обидевшись, она решила пойти против его воли. Один только раз. И вот наказана...

– Не спи – замерзнешь. – Один из быков резко ткнул кулаком в живот девушки.

От боли и страха Катерина то ли потеряла сознание, то ли задремала. Через некоторое время машина остановилась. Катя открыла глаза и поняла, что кошмар не кончен. Началась его новая фаза.

Она успела заметить здание, в которое ее затащили. Это была какая-то недостройка, будущая заправка или ресторан для тех, кто проголодается в пути на Выборг. От шоссе до каменного домика было метров сто. Но тот, кому довелось в этот час сидеть за рулем, не мог представить себе, что творилось в недоделанном строении.

Катю швырнули в полутемную комнату. Она упала грудью на стул, но даже не успела вскрикнуть: стоявший рядом урод зажал ей рот ладонью. Щелкнул выключатель – в дом уже провели электричество.

Вокруг были кучи строительного мусора, контейнеры с нераспакованной мебелью и разный инструмент. На единственном стуле восседал здоровяк в кожаной куртке, накинутой на майку. Он ткнул пальцем в Катю, и один из помощников надел на нее наручники. Рот ей не заткнули. Кате было ясно, к чему приведет первый же крик. После этого ее толкнули на грязный ящик, стоящий подле главаря.

«Как с тем?» – поинтересовался главарь. Катя поняла: речь идет о Денисе.

– Все как было сказано. Уже, наверно, очухался.

– А куколка как себя вела?

– Куколка понятливая. Не дергалась.

– Ну и умница. – Главарь похлопал Катю по щеке. Девушка отшатнулась, и он почти без размаха хлестнул ее ладонью.

– Я вертеться не приказывал! Поняла?!

– Да, – пролепетала Катя.

– Хорошо. Понятливая. А я-то думал, все, кто после университета, – дуры.

«При чем тут „после“? – промелькнуло в голове у Кати. – Я ведь его забросила». Но тут же она обругала себя: зачем в такой момент думать о глупостях? Надо соображать, как вылезать из этой задницы.

Главарь достал из сумки бутылку «Балтики», одним пальцем сорвал пробку и сунул горлышко себе в рот, не позволив теплomu напитку брызнуть на пол. Хлебнув пива, он протянул бутылку Кате. Стекло больно ударило ее в губы, однако девушка поняла, что после жаркой машины ей страшно хочется пить, и она сделала большой глоток. Внутри что-то забурчало, половина напитка вылетела из живота. Кате стало на мгновение страшно: вдруг ее ударят за это? В ее глазах потемнело, она склонилась над пузырящейся лужей. Голоса похитителей доносились откуда-то сверху, как если бы ей в уши положили вату.

– Слышь, Стас, девки в пиве не секут.

– Ша! Просто она, наверное, решила, что будут иметь прямо в тачке.

– Ну и дура. Иметь надо с комфортом. Кстати, куколка, здесь очень комфортно.

Стало чуть легче, а две пощечины окончательно привели Катерину в сознание. Над ней склонился главарь.

– Куколка, ты должна быть очень умной. Иначе нас ждет длинная и интересная программа. Ты должна понять, что лучше застрять на ночь в лифте с Чикатилой, чем рассердить меня.

– Стас, – раздался сзади неуверенный голос, – нам же приказано ее только привезти. Ну, пугнуть. А трясти ее будут потом, когда приедут.

– А я ее и пугаю, – хохотнул главарь – Стас. После чего отошел в сторону и заговорил тише: – Значит, копайся в дерьме за две тысячи, а потом этот козел приедет на готовенькое, чуть поднажмет на эту тварь и узнает про все папины лимоны.

– Так он же не для себя.

– Мне е... ть. Надоело. Я сам ее расколю, а чего делать с инфой – придумаю. Может, напрямую заказчику отдам.

До Кати донеслись лишь обрывки разговора. Она слышала про какие-то тысячи и пыталась понять, в чем дело. За две тысячи рублей сейчас тебе даже таракана не поймают. А если баксы? «Кому я нужна за две тысячи баксов?»

Она неплохо представляла благосостояние Бориса. Денег у него не так уж много. Тогда зачем ее похитили? Ясно было, что эти отморозки собирались что-то у нее выпытывать. Надо было брать инициативу в свои руки.

– Ребята, вы здорово подзалетели, – начала Катя. – У меня папик крутой. Он меня еще ни разу в обиду не давал. И за беспредел отвечать придется. С какой вы грядки?

– Заткнись, тварь. – Стас подошел к ней. Катя затряслась, но она взяла себя в руки, понимая: сдаваться нельзя.

– Нет, я всерьез. Хотите, чтобы я вас забыла? Отвезите меня обратно. Я ему не буду рассказывать, как вы меня лапали.

– Шас, отвезу! – Стас взял девушку левой рукой за воротник, поднял, медленно поднес к лицу кулак – Катя увидела возле носа огромный серебряный перстень с черепом шимпанзе. Главарь так же медленно отвел правую руку и ударил ее со всей силы, как мужик бьет мужика. Катя упала на какие-то грязные мешки, но сознание не потеряла. Рот мгновенно наполнился раскаленным пересоленным бульоном.

Лапища снова схватила ее за ворот. Катя мотнула головой и медленно открыла окровавленный рот – хотелось вдохнуть воздух полной грудью. Стас разжал ей челюсти, сунул пальцы в рот, сильно оцарапав нёбо изломанным ногтем, и, ухватив пальцами за язык, вытащил его наружу. Потом легонько толкнул ее, и она упала опять.

– Куколка, ты начинаешь меня заводить. Впереди большая работа. Но до этого я хочу немножко отдохнуть.

Стас отошел на пару шагов, медленно расстегнул брюки и стал демонстративно почесывать свою принадлежность.

Катя застонала. Лицо болело, в голове шумело, будто она неслась в машине по тряской дороге. Она понимала: сил для сопротивления нет и этот ублюдок, перебирающий на ее глазах свое хозяйство, сможет сделать все, что ему придет в тупую башку. Однако именно поэтому хотелось сделать хоть чего-то, постараться найти особенно злые слова. Катя открыла рот и с удивлением поняла, что связно говорит.

– Подрочи, подрочи, тупое животное. Только скорей, пока мой папик сюда не приехал. Потом тебе драть будет нечего. Мужики, принесите домкрат, а то он так письку не поднимет. Или, может, ее тебе мама в детстве дверью прищемила?

Стас подскочил к Кате, одним рывком поставил ее на ноги и швырнул в другой конец комнаты. На этот раз она сильно ударилась животом о какой-то острый угол и расшибла ногу. Боль прошла волной по всему телу. Не хотелось двигаться и переворачиваться на спину. Впрочем, даже если бы такое желание и появилось, она все равно бы не успела. Стас уже был рядом. Катя еще не понимала, что же он затеял, как стало больно ниже спины и одновременно бедер коснулся свежий воздух: это Стас ножом разрезал ее брючки, задевая кожу. То же самое он проделал и с верхней одеждой, остатки которой теперь держались лишь на нескольких лохмотьях.

– Держи ее! – приказал Стас.

Крепкие руки схватили Катю за голову и ткнули ее лицом в пыльную картонную коробку. Она чувствовала, как окровавленная слюна вытекает изо рта и остается на картоне. Связных мыслей уже не осталось. «Что нужно этим подонкам? Почему они не задают никаких вопросов? Или думают, что я и так должна знать...»

Сзади послышались шаги. Подошел главварь, и Катя тут же поняла, почему он отсутствовал: Стас плеснул кипятком на ее обнаженные бедра. Боль в животе и левом колене исчезла, казалось, от всего тела остались только ошпаренные ягодицы. Катя дернулась и завывала, она даже не понимала, пыталась сдержать крик или нет.

– Будешь еще надо мной стобаться?! – заорал Стас. – Ну, говори!

Еще несколько капель кипятка упали на ее спину, и Катя заорала изо всех сил: «Не-ет!»; ей было все равно, что кричать, лишь бы погромче.

Она на секунду потеряла сознание. Потом стало легче, но кожа горела. Откуда-то донеслась музыка, и Катя поняла: это не глюки. Бандиты включили приемник на полную громкость.

– ...Ты уж постарайся быть хорошей девочкой, – опять раздался голос Стаса. – Ты же знаешь, сколько твой добрый папа наворовал денег и где их спрятал. Где?

«И это все из-за Бориных денег?» – пыталась сообразить она. – «Правда, там, где я знаю, всего двадцать тысяч баксов. Надо сказать».

– Где они?!

– В серванте, в потайном ящике.

Новая боль, скорее тупая, чем резкая, обрушилась на тело: Стас ударил ее по спине горячей кастрюлькой, в которой кипятил воду.

– Зря шутишь, тварь. Я шутки не люблю. Поверни ее ко мне мордой.

Невидимый бандит поднял Катю и повернул ее лицом к Стасу. Тот отошел на несколько шагов и вернулся с большой консервной банкой. Над ней поднимался едкий дым...

Стас ухмыльнулся:

– Ладно, куколка. По-хорошему у нас никак не получилось. Я с тобой развлекаться не буду. Останешься дипломированной недотрогой. Сейчас я тебя продезинфицирую смолой. Соображай, дура... Номера?!

Стас ждал. Катя сказала ему все, что могла. И теперь, когда стало ясно, что он исполнит угрозу, Катя почувствовала неожиданный прилив силы. С криком она шагнула вперед левой ногой, а правой с размаха пнула Стаса в то место, которой он нагло почесывал четверть часа назад.

Не ожидавший этого Стас согнулся, и хотя сохранил равновесие, но банка выпала из рук и несколько капель попали ему на ноги. Рев перекрыл даже песенку, доносившуюся из приемника. Бандит отпустил девушку, предполагая, что с ней разберется Стас. А тот подскочил к Кате, несколько секунд тряс ее, прыгая на одной ноге, а потом со всей силой швырнул как можно дальше от себя.

На секунду оторвавшись от пола, Катя видела, словно в замедленной киносъемке, как к ней приближаются инструменты дорожных рабочих. Перед ее лицом вырос огромный металлический ящик. Резкая и короткая боль, почти как наркоз для ошпаренного тела.

«Сильно ушиблась. И хорошо. Теперь долго болеть не будет». – Это была ее последняя мысль.

Стас переваливаясь двинулся к ней, с размаху пнул ногой, присел, схватил за воротник и вдруг отпустил. Голова Кати упала на пол, как голова куклы. Сколько бы ни был туп бандит, но, взглянув в Катини глаза, он понял: если она и знала про какие-то деньги на счетах ли, в серванте ли, то теперь никому уже ничего не расскажет. Даже если бы и захотела.

– Это ты зря, – посетовал один из бандитов.

– Сама виновата, – сплюнул Стас. – Закрой ее брезентом.

Сам же он достал из сумки еще одну бутылку тепловатого пива, открыл и опрокинул себе в глотку, как работяга после тяжелого физического труда.

За этим занятием его и застал Борис. Он вошел в домик и спросил с порога:

– Ну, как наша Ниночка?

Никто не ответил. Лишь Стас, поставив на пол пустую бутылку, наконец отозвался:

– На солнце перегрелась наша Ниночка. Поскользнулась и ушиблась.

Борис оттолкнул быка, стоявшего перед ним, подскочил к телу девушки и сдернул брезент. Стас ожидал, что заказчик тотчас заорет во всю глотку, но Борис медленно опустился на колени, поднял Катини веки, положил ладонь на грудь. Потом он перевернул тело на живот, провел рукой по затылку, скользнул взглядом по следам кипятка и встал. Он подошел к невысокому парню в белой грязной футболке – ближайшему братку, взял его за плечи и, глядя в глаза, спокойно спросил:

– Кто это сделал?

Бандит вздрогнул и торопливо крикнул, показывая на Стаса:

– Он!

– А еще кто?

– Нет, больше никто. – И быстро добавил: – Я был в стороне.

Борис оттолкнул его, как запоздавший на выходе пассажир отталкивает встречного, и подошел к Стасу.

– Не кипятись, бригадир, – дружелюбно ощерился тот. – Надо было предупредить: девка хилая.

– А ты спросил, как ее зовут?

Стас меньше всего ожидал этого вопроса и замер на месте, тупо моргая ресницами. Его взгляд был лучшим ответом. Борис отошел на шаг и, как показалось прочим браткам, воткнул свою ногу ему в живот. Стас икнул. Его голова начала клониться к полу. Не сходя с места, Борис еще раз ударил его ногой в скулу, и тот обрушился на пол.

– Ты чево, падла, пацанов валишь?! – раздалось сзади.

Борис выхватил из кармана пистолет и оглянулся. Никто не захотел повторить.

Стас, придя в себя, медленно поднимался. В его руке был нож. Но воспользоваться им не успел.

Борис уже сунул пистолет в карман и схватил лом, стоящий у стены, как будто это была ивовая удочка. Удар, рев Стаса, и нож выпал на пол из перебитой руки.

– Прости, начальник... – прохрипел Стас.

Борис не ответил. Он поднял лом и четыре раза двинул им Стаса в живот, будто пытаясь пригвоздить к полу. Бандит хрипел, извиваясь. Из его рта вытекала кровь и только что выпитое пиво. Борис еще раз поднял лом и одним ударом раскроил череп Стаса, кинул лом на его тело и повернулся к остальным бандитам.

– Бригадир, – начал было один из них, – это ж не по понятиям.

– Ее звали не Нина. Ее звали Катя. – Лицо Бориса закаменело. – Моя Катя.

Минуту молчания никто не открывал, но минут пять никто не открывал рот. Бандиты боязливо косились на Бориса, а тот опустошенно – на мертвую девушку.

«Как же ты, Катенька-дурочка, попала в мясорубку вместо Нины? – думал он. – Как же ты не сообразила назваться этим кретином? Ведь была бы цела. Должна была уцелеть в любом случае. Это я виноват, что связался с дешевыми отморозками. Стас, чтоб ему там было неспокойно, – только здоровые кулаки, здоровая задница и здоровый член. Ума же хватало от таких держаться подальше. Сегодня – не хватило. Девчонку жалко. Где найдешь, чтоб было на что взглянуть, и поговорить, и никогда не бояться, если поговорил немного о лишнем? Такая лишний раз не чмокнет, но для тебя „Кресты“ взорвет, если ты там сидишь... Зачем я в это дело полез?.. Пусть дальше шустрит молодняк, которому большие баксы только снятся, я с Катей стал бы просто жить. Может, кафешку завел бы. Но нет, понадобилось бабло, будь оно неладно... А теперь, если заказчика прижмут и он расколется, Даутов за один день из меня навертит диетический собачий корм...»

– Ладно, – наконец решил он. – Ее – в мою машину. А с этим... – Борис ткнул пальцем в сторону Стаса, – делайте что хотите. Можете сжечь вместе с домом.

И вышел наружу. За ним, переваливаясь, шел браток с Катей на руках.

* * *

Трудно сказать, легче было бы Алексею Нертову или тяжелей, узнай он о том, что случилось в недостроенном ресторанчике на Выборгском шоссе, который сгорел в вечер даутовских именин. Злая шутница Судьба уберегла Нину, подкинув на ее место другую девушку. Но у Алексея работы прибавилось. Теперь он действительно не отходил ни на шаг от Нины. Даутов так ему и сказал: «Даже если я напьюсь и позову тебя чокнуться – откажись, но Нину не бросай. Даже если я тогда скажу, что тебя увольняю, – стереги ее до утра. Потом премиальные получишь».

Арчи уверял бизнесмена, что, видимо, местные гопники, давно ненавидящие новых русских, отгородивших пляж забором, просто не упустили случая сорвать зло на одиноком госте. Даутов делал вид, что согласен, но все равно вопрошал: «А если б эти простые гопники напали на Нину?» Кстати, в свою версию и сам Николай не очень верил. С районными Анискиными он перетряс всю местную гопу, иногда практикуя то, что в официальных бумагах именуется «недозволенными методами». Нет, никто в тот вечер вблизи не шастал.

Но ни сыщик, ни Даутов не знали, что Денис был не один. Знали об этом лишь двое. Точнее, Нина знала, а Нертов лишь догадывался. Он так и не понял, кому же принадлежал браслет. Нина ни слова не сказала о спутнице Дениса, как будто той и не было вовсе.

С побитым женихом Алексею поговорить не удалось. Денис отлеживался в приличной больнице, где вежливые секьюрити сидели на каждом этаже. К больным пускали лишь тех, кого они хотели видеть. А охранника Нины Денис видеть не пожелал. Кстати, не желал увидеть и свою невесту. Та тоже, к удивлению Алексея, не торопилась подобно Ярославне возложить на опухший лоб суженого «бебрян рукав». У Нертова было лишь одно объяснение: браслет, в качестве вещдока хранившийся дома, не выпал из кармана Дениса. Он соскочил с руки некой незнакомки. Но о находке Нертов Нине не сказал, а та не собиралась отвечать на навоящие вопросы, сводимые к одному: с кем она застала жениха?

Впрочем, на вопросы и ответы времени было немного. День отлета во Францию приближался.

Глава 4. Русское безумство

Чуть больше недели прошло со дня их прилета на Лазурный Берег, но Алексей уже начал уставать от Нининых выходов. Казалось, она вела себя так же, как те русские князья да представители богемы, волею судеб очутившиеся на некогда самом престижном для соотечественников курорте: то пыталась в пух и прах проигратся в казино, то внезапно приказывала останавливаться возле живописного домика на горном склоне, чтобы прицениться. А то убегала среди ночи шляться по сверкающим огнями увеселительным заведениям или по темным безлюдным пляжам.

Что касалось всяких игрищ – Нертов еще бы это пережил, мол, не мои деньги тратит взбалмошная девчонка. Если уж сэра Уинстон Черчилль, Рокфеллеры да и великий Федор Шаляпин не гнушались выбросить деньги на рулетку в Монте-Карло, что уж говорить о новых русских! Но больше чем разорением это обычно не грозило. А вот прогулки...

Даже перед трапом самолета предусмотрительный Даутов очередной раз напомнил падчерице, чтобы она была разумной девочкой и во всем слушалась своего телохранителя. Куда там! Едва лайнер набрал высоту, Нина капризно заявила, что теперь она сама себе хозяйка, а потому Алексей не должен постоянно играть в шпионов и наступать ей на пятки. Здесь, мол, не Россия, где под каждым вторым кустом можно натолкнуться на стадо бандерлогов. Нертов пытался отмолчаться, но девушка, явно вызывая его на ссору, сообщила, что будет лично проверять бдительность своей охраны. «Как?» – «Увидите, если сумеете меня найти на Лазурном Берегу».

Затем Нина начала вслух размышлять, как хорошо, в то время пока охрана будет «дряхнуть», одурев от южного солнца и симпатичных француженок», удрать и познакомиться с каким-нибудь принцем.

– Если он не свернет наутро вам шею, а я не свяжусь с отчимом и не отправлю вас обратно в вагоне из-под мороженных устриц, как Чехова, – мрачно заметил Алексей.

– Ой, какой же вы строгий, – Нина надула губки, – неужели ревнуете?.. Мне еще Света рассказывала, что с вами рядом жить невозможно. Нет, лучше расскажите, как вы меня охранять будете, может, хотите за ногу ночью держать? – Девушка скинула туфлю и, приподняв стройную ножку, как Маугли, дразнящий красных собак, пошевелила пальцами...

И дальше в том же духе. Кончилось все тем, что Алексей, не выдержав, отсел от Нины к трем своим коллегам, летевшим в том же самолете, и, надеясь спокойно проанализировать ситуацию, закрыл глаза.

Вся затея Даутова с организацией поездки Нертову не понравилась. Хотя на время увезти его падчерицу из Питера следовало, особенно после происшествия на именинах. Но организовать все надо было не так. Ни один из коллег Алексея никогда не был ни на юге Франции, ни в Монако. А Даутов не дал даже времени, чтобы предварительно туда слетать, осмотреть виллу, где придется жить, самим встретить самолет с Ниной, наконец. Если уж шеф так трясется за безопасность падчерицы, то заботиться о ней следовало более тщательно, чем просто выделить четырех сопровождающих, причем одного из них – салагу, которого Нертов не знал, но вынужден был включить в группу по требованию клиента.

Последние питерские дни определенно показали, что за Ниной идет охота. Да, несколько раз некто промахивался. И на Конюшенной площади, о которой почему-то Даутов сразу же не рассказал новому охраннику, и на ферме, куда Алексей не пустил девушку, и в машине, в которой погибла Марина. Правда, здесь было непонятно, кому и зачем понадобилось организовывать взрыв. Может, кто-то охотился в данном случае не за падчерицей Даутова, а за ее женихом? По поводу инцидента в лесу тоже были сомнения: кого же поджидали бандиты – Дениса Петровича или его невесту? А если, как говорят юристы, произошла ошибка в объекте,

когда преступник, губит не того, кого желает? Ошибка, от которой страдают и вовсе посторонние люди? А может, правда, во всех случаях бандиты ошибались? От этой мысли у Нертова пробежал холодок по спине.

Дополнительным поводом для размышлений оказалось заключение экспертов, о результатах которого Алексей узнал буквально перед вылетом. Генетическая принадлежность слюны на одном из окурков, найденных на ферме, совпала со слюной, обнаруженной на окурке, подбранном на каменке. А это значит, что в обоих местах действовал один и тот же человек. Простым совпадением это не могло быть.

Правда, несмотря ни на что, Нертов был убежден: на Лазурном Берегу с девушкой вряд ли может что произойти. Все-таки бандитам наверняка была нужна не она сама, а ее отчим. Нину же, очевидно, хотели использовать как приманку, как средство для шантажа. Но одно дело – Петербург, а на Лазурном Берегу не разгуляешься. Только в Монако на тысячу жителей чуть ли не двадцать полицейских; на улицах – скрытые системы наблюдения и вызова полиции. Идет, скажем, загулявший купчик из Кафе де Пари, где по сей день выступает варьете под названием «Русское безумство», а на купчика кто-то плохо посмотрел. Ему бы только рот успеть открыть, как в полицейском участке крик услышат. А если дело происходит на главных улицах или в подземных переходах – стражи закона еще и на монитор поглядеть могут: кто же осмелился покой нарушить? Куда бедному грабителю податься?..

Все-таки как ни успокаивал себя Алексей, а ухо следовало держать востро. Поэтому дурацкие выкрутасы Нины его не устраивали. Он злился и не переставал удивляться, как быстро может меняться милая и воспитанная девушка. То она готова сломя голову броситься спасать отчима, клянется в вечном послушании, а то выкидывает непредсказуемые фортели.

Чего стоила, скажем, идея убежать ночью через окно спальни, чтобы «побродить по берегу спящего моря»? Тогда дежурил Алексей. Он заметил попытку девушки и поймал ее на руки, когда она, соскользнув с подоконника, чуть не переломала ноги, прыгнув в темноте вниз.

Вместо того чтобы сказать спасибо, беглянка, не раздумывая, попыталась, хотя и безуспешно, ударить охранника. Когда же она сообразила, что это не случайно заночевавший под окном любитель цапать девушек за ляжки или похититель юных туристок, то тут же наговорила кучу гадостей про манию преследования, замешанную на неумной ревности, заявив, что Нертов может безнаказанно хватать девушек только на пляже, вообще он – солдафон, а не мужчина. И затем, довольная собой, гордо последовала к морю. Алексею ничего не оставалось, как поплестись следом, проклиная работу и раздумывая: с чего это уже второй раз на него так нападают? В результате он решил, что все дело во взбалмошном характере подопечной, но элементарно ошибся, не подозревая, что такое поведение было лишь некой защитной реакцией.

Как Нина ни убеждала себя в обратном, ей все равно нравился этот человек. Умный, сильный, независимый, Нертов не походил на ее прежних ухажеров, время от времени подсовываемых отчимом. Те старались чуть ли не сразу использовать девушку в своих целях, ничуть не интересуясь ею. Нет, речь шла не о внешнем интересе – сама по себе Нина привлекала многих, но никого она, кажется, не волновала как личность, а лишь в качестве престижной любовницы или выгодной невесты.

«Денис, – думала девушка, – и тот оказался натуральной скотиной. Зачем было врать тогда на даче, что какие-то дела есть. Сказал бы, что к подружке идет, так нет, захотел и вашим и нашим. С ней, значит, погулять в лесу, а на закуску – со мной развлечься».

Нину также не убедил рассказ Дениса, который через несколько дней после происшествия на именинах, подлечившись, приехал извиняться и опять пытался убедить, дескать, эту Катю встретил случайно. «Правильно тебе по голове дали, – отрезала тогда Нина, – впредь, может, умнее будешь. Только не со мной. И не вздумай отцу жаловаться: один раз ты пытался меня остановить, второй закончится тем же. Но прилюдно. Тебе же стыдно будет». На этом разговор и завершился.

Девушка понимала, что понапрасну обижают Алексея, так не похожего на Дениса и других ему подобных, но ничего не могла с собой поделать. Лазурный Берег не изменил ее настроения, и охранники уже порядком измотались, вынужденные так или иначе потакать прихотям Нины. Хорошо еще, что по ночам в Каннах или Жуан-ле-Пен можно гулять в сопровождении одного-двух спутников совершенно безнаказанно. Да и, не предшествуй этому питерские события, Нертов не очень волновался бы, пойдя Нина гулять ночью одна: даже если какой-нибудь француз захочет познакомиться, предложив выпить в ближайшем бистро чашку кофе или бокал «Кира», девушке достаточно будет сказать что-нибудь вроде: «Мерси, я хочу побыть одна». И все. Знакомство не состоится. Прэмсети, то есть чужую частную жизнь, в Европе уважают.

Те, кому посчастливилось побывать на Лазурном Берегу, с упоением рассказывают знакомым о прелестях здешних мест. Небольшие, но чистенькие городки со старинными крепостями и храмами, музеи Матисса, Шагала, Пикассо... От Ниццы на машине за полчаса можно доехать в Монако с его знаменитым районом Монте-Карло, а в другую сторону, за то же время – до Канн, миновав еще несколько живописных местечек. Между двумя такими городками и находилась вилла, в которой обосновалась Нина с охранниками. Как в красивом кино, каждое утро местный садовник подстригал и поливал под окнами цветы, и радуга, вспыхивавшая на струях воды, бивших из его шланга, напоминала гигантский красочный веер, забытый здесь заезжими испанцами. На вилле работали еще несколько местных женщин, обслуживающих гостей. Мсье из местной фирмы, встретивший петербуржцев еще в аэропорту, сообщил, что в соответствии с пожеланиями клиента он подобрал для отдыха дом с несколькими системами сигнализации и наблюдения, что помогло Алексею хоть как-то облегчить труд своих коллег.

Все, казалось, идет хорошо, в Питере тоже никаких новых эксцессов не происходило. Во всяком случае, Арчи, регулярно названивавший Нертову, уверял товарища, что страшно завидует его работе и готов в любой момент поменяться местами. Но через несколько дней, когда Нина завтракала на веранде, дежурный охранник забил тревогу. Разбудив Алексея, отдохнувшего после ночного дежурства, он сообщил, что за домом, кажется, ведется наблюдение. Во всяком случае, уже дважды какой-то тип крутился вокруг виллы. Потом, как заметил дежурный, этот человек, встретив «случайного» прохожего, о чем-то коротко переговорил с ним и торопливо ушел. Прохожий же остался задумчиво гулять неподалеку от виллы.

Алексею ничего не оставалось, как, осмотрев подступы к зданию в бинокль, убедиться, что дежурный прав. За домом определенно наблюдали.

* * *

Нине еще предстояло дозавтракать и лишь потом собираться на пляж, поэтому у Нертова было немного времени, чтобы разобраться в обстановке. Он отзвонился в агентство Николая, попросив немедленно связаться с Даутовым, чтобы уточнить, не давал ли тот кому-либо указание подстраховывать Нинину охрану, а сам вышел, чтобы поближе познакомиться с грузчиками³. «Надо попробовать срисовать хоть кого-нибудь, – рассудил Алексей, – в любом случае это лишним не будет. Ясно, что они появились если не сегодня, то, самое раннее, вчера. Иначе охрана уже должна была заметить неладное». С этими мыслями Нертов свернул на ближайшую аллею.

Каково же было удивление телохранителя, когда, столкнувшись буквально нос к носу с неожиданно появившимся из-за угла прохожим, он узнал своего старого знакомого, с которым когда-то вместе занимался в финском институте безопасности на курсах телохранителей!

...Наверное, только в новой России, чтобы стать охранником, было достаточно иметь более-менее накачанные мышцы и крепкий затылок. В Европе уже много лет дела обстояли

³ Грузчик – лицо, непосредственно осуществляющее наружное наблюдение, слежку (*проф. слеж*).

иначе. Еще в 1957 году Виктор Отт, бывший руководитель охраны Шарля де Голля, создал международную ассоциацию телохранителей «International Bodyguard Association», которая, в частности, занялась подготовкой квалифицированных охранников по всему миру. В Финляндии инструкторы из этой ассоциации достаточно долго втолковывали слушателям азы работы бодигардов. И не только втолковывали. Алексей, выдержавший конкурс из семисот человек на двадцать мест, надолго запомнил, как за, казалось бы, пустячную ошибку, допущенную в практическом исполнении задания по эвакуации клиента, ему пришлось сто раз отжиматься от земли, держа на спине автомат. Упав оружие – пришлось бы работать дополнительно. «Охранник как сапер, ошибаться не имеет права, – втолковывал инструктор, – расплачиваться за прочеты придется не только жизнью клиента, но и своей собственной»...

И вот теперь эта встреча. Пьер, с которым они столько пота вместе пролили, постигая премудрости охраны, делает вид, что совершенно случайно гуляет возле объекта!

Довольно натянуто изобразив радость, бывшие однокурсники осторожно приступили к разговору, напоминаяшему первый раунд поединка рукопашников или самбистов, наслышанных о способностях друг друга, но никогда не встречавшихся прежде на ковре. Так же осторожно, проверяя реакцию соперника, каждый из них пытается финтить, имитировать атаку, наносить отдельные удары, выискивая слабые места.

Алексей и Пьер начали беседу, которая неизвестно чем могла закончиться, если бы не прервавший ее звонок на трубу Нертова из Питера.

Звонил Арчи. Видимо, поняв, что приятель не может подробно говорить, он лаконично сообщил, что выяснил у Даутова. Оказалось, старый лис, по каким-то соображениям никого не поставив в известность, поручил некоему французскому сыскному агентству (Николай по буквам назвал его) вести наружное наблюдение за виллой и страховать группу Алексея. Сам же Даутов обещал попозже созвониться с охранником Нины и дать ему координаты для связи с этим агентством. Нертов чуть не выругался, до такой степени его достали даутовские фокусы. Явно генеральный директор «Транскросса» считал себя самым умным. Но на самом деле только затруднял работу. Чего стоила, например, его старая идея, чтобы Нертов и фирма Орлова действовали порознь! А сейчас? Еще неизвестно, чем бы могла закончиться встреча с Пьером, не позвони вовремя питерский сыщик. Дружба дружбой, но... Алексей уже представлял, как ему придется затащить Пьера в дальнюю комнату и, тыкая в лицо каким-нибудь муляжом пистолета (на получение разрешения иностранцу носить боевое оружие во Франции рассчитывать не приходилось), душевно расспрашивать, зачем он тут ошивается.

Теперь же на душе у Алексея стало легче, и он, простившись с Орловым, обратился к Пьеру, спросив, не работает ли он в некоем сыском агентстве «Венсан и Ко»: «Говорят, там очень красивые удостоверения выдают. Может, покажешь, если у тебя есть?» Пьер, видимо, тоже сообразил, что произошла какая-то накладка, и облегченно сунул под нос однокурснику свои корочки, в которых значилось, что он является директором этого самого агентства...

Уже ближе к вечеру, после телефонного разговора с Даутовым, подтвердившим, что Пьер работает на него, Нертов оставил Нину под надзором своих охранников и пошел с бывшим однокашником посидеть в каком-нибудь укромном месте и заодно обсудить ситуацию.

«Охранник ошибается как сапер...» – Ни группа Алексея, ни наружка Пьера не заметили днем отблеска стекол мощного бинокля, в который велось наблюдение за виллой со стороны поросших густой растительностью прибрежных скал...

* * *

На следующее утро, пока Нертов отдыхал после дежурства, Нина с одним из охранников отправилась съездить вдоль побережья, чтобы побывать в старинном замке, неподалеку от

которого Ницше когда-то писал про своего Заратустру, а заодно – навестить расположенную у подножия замка парфюмерную фабрику «Галимард».

Долговязый охранник, еще достаточно молодой парень, раньше с Нертовым не работал, а был пристроен в группу Алексея за несколько дней до отъезда по указанию Даутова. Соглашаясь с указанием подозрительного шефа, Нертов справедливо рассудил, что уж пусть рядом с ним будет потенциальный стукач, зато можно быть уверенным, с какой стороны ждать пакости. Впоследствии Алексей решил, что мог ошибиться в новичке: хотя навыков работы у того было маловато, но парнишка старался и не пытался откровенно шланговать. Но ошибался руководитель охраны в другом: нельзя было отпускать подопечную с непрофессионалом, пусть даже ненадолго и в безоблачной Франции.

Дорога петляла вдоль обрывистого морского берега, изрезанного бухтами и бухточками, в которых, словно крылья чаек, белели паруса яхт. Охранник, развалившись на пассажирском месте, лениво посматривал по сторонам, любуясь то красотами природы, то, исподтишка, симпатичной девушкой, лихо управлявшейся с «Шевроле». Парня окончательно не вывело из благодушного состояния даже то, что после одного из поворотов Нина вдруг резко затормозила. Впереди, у обочины дороги лежал какой-то человек.

Нина заглушила двигатель и, достав ключи зажигания из замка, вышла на дорогу, направившись к лежащему. Охранник не догадался остановить девушку и даже не успел сообразить, что происходит. Откуда-то сбоку к машине метнулась чья-то тень. Короткий, но точный удар через открытое окно – и голова парня беспомощно откинулась на спинку сиденья.

Охранник ничего не успел сделать или тем более вспомнить инструктажи Нертова, которые тот ежедневно проводил со своими людьми. Конечно, будь на месте Нининого сопровождающего любой другой член группы, он, во-первых, постарался бы не доверить девушке управление; во-вторых, не позволил бы остановить машину; в третьих, не стал опускать боковое тонированное стекло, ограничивающее видимость в салоне. Во всяком случае, профессионал был бы готов к неожиданностям, а точнее – к нападению, предвидеть возможность которого любой мало-мальски толковый телохранитель обязан. Но протеже Даутова слишком увлекся красотами французского побережья, ничего не сделал, и это стоило ему жизни.

Нина тоже не успела заметить, что случилось, так как лежащий на дороге человек вдруг стремительно поднялся и бросился вперед. Она не успела увернуться от нападавшего, который подсечкой швырнул девушку на придорожный песок, а затем резко ткнул сложенными щепоткой пальцами в шею, отчего Нина потеряла сознание.

Через пару минут тело охранника и бесчувственная Нина были брошены в подъехавший пикап, туда же быстро заскочили нападавшие, и машина понеслась вдаль по петляющей над берегом моря дороге.

Вскоре мимо пустого «Шевроле» проехала неприметная легковушка. Она остановилась метрах в двухстах дальше места нападения. Водитель и пассажир о чем-то негромко посоветовались по-французски, а затем начали звонить по мобильнику. После короткого разговора пассажир, похожий на праздного туриста, нацепил на грудь мощный полевой бинокль, вылез из машины и стал внимательно осматривать местность. Видимо, стараясь насладиться окрестностями, пассажир потоптался на месте, после чего лениво направился в сторону, где стоял «Шевроле».

Если бы неприметная легковушка не застряла в пути из-за того, что какой-то лихой водитель грузовичка, не справившись с управлением, перегородил своим авто всю проезжую часть, дальнейшие события могли бы развернуться иначе, так как и «турист», и его спутник работали на фирму Пьера. Они должны были на почтительном расстоянии, не раскрывая себя, сопровождать Нинин «Шевроле». Наверное, сыщики не действовали бы столь спокойно, знай они, что в то время, как их машина стояла, ожидая, пока грузовичок освободит проезжую часть, в паре километров впереди такой же грузовик перегородил дорогу встречному транспорту.

Но французы об этом не знали, а потому осторожно осматривали окрестности, гадая, куда же могли запропасться гости из России.

А в это время тело охранника-новичка было уже брошено в море с прибрежных скал километрах в десяти от места нападения. Протеже Даутова, накачанный парень, потратил пятьсот баксов, чтобы откосить от армии – боялся отправиться с каким-нибудь спецназом в Кавказские горы. Теперь его тело плавало в море, принявшем за многие века больше трупов, чем все прочие земли, вместе взятые.

Пикап, проехав еще немного, свернул на боковую дорогу, уходящую вглубь побережья.

* * *

Нертов почувствовал неладное, когда дежурный сообщил, что «Шевроле» не вышел на связь через установленные тридцать минут. Он на всякий случай перезвонил Пьеру, спросив, что передают парни из наружки. Бывший однокашник пересказал последнее сообщение своих людей, мол, машина находится пустая у дороги на Монако, вокруг все тихо, но ни пассажирки, ни сопровождающего не видно. «Не грусти, Леша, сейчас мои парни найдут голубков, – заверил Пьер, – наш климат располагает молодых к прогулкам. А вообще-то я все равно собирался ехать в ту сторону, сам посмотрю – перезвоню»...

Алексея заверения коллеги не ввели в заблуждение. Не зря же глава сыскной фирмы лично решил выяснить, что происходит. Что же касается «я все равно собирался ехать...», то это лишь игра в дипломатию. Поэтому Нертов, приказав двум оставшимся на вилле охранникам усилить бдительность, сам помчался по Нининому маршруту.

На месте он оказался раньше Пьера. Французских сыщиков не было видно, хотя они должны были бродить где-то поблизости. Алексей осторожно начал предварительный осмотр «Шевроле» и прилегающей местности. Первое, что определенно не понравилось бывшему сотруднику военной прокуратуры, насмотревшемуся на сотни всяких мест происшествий, – следы резкого торможения машины. Почему пришлось спешно остановиться? Если бы, как надеялся Пьер, Нина с охранником просто захотели погулять, на асфальте не осталось бы черного следа от новеньких покрышек. Значит, причина для остановки была иная. Опять выкрутасы подопечной? Новичок, управлявший автомобилем, чуть не попал в ДТП?.. Ответы на эти вопросы следовало искать, и Алексей продолжал внимательно разглядывать машину.

На подголовнике водительского сиденья он заметил длинный русый волос, а само сиденье было выдвинуто вперед, поближе к рулю, в то время как пассажирское, наоборот, назад. Выходило, что долговязый охранник Нины доверил ей управлять автомобилем, а сам блаженствовал во время поездки в нарушение всех мыслимых инструкций, которые ему давались. Ко всему прочему, он еще зачем-то опустил тонированное боковое стекло, несмотря на то что в машине был кондиционер.

«Погоди же, – злился Нертов, – я с тобой еще разберусь, когда вы вернетесь к машине». Только уж слишком сильно сосало под ложечкой от предчувствия того, что разбираться будет не с кем. Пусть отдельные следы, обнаруженные Нертовым, могли быть случайными, но, как известно, несколько случайностей есть закономерность.

Странных следов удалось найти немало: вот на прищосейном песке неровность, будто мешок с плеча сбросили (или чье-то тело?); рядом – две параллельных линии, идущих перпендикулярно дороге: то ли кто-то пару досок тасил, то ли человека; свежесломанные ветки у пары кустиков, а рядом – примятая трава, в которой запутались несколько маленьких кучек пепла. А где же сам окурок? «Ага, вот ты, родимый, – как-то радостно, словно ребенок, нашедший конфету, подумал Алексей, увидев чуть выглядывающий из-под булыжника фильтр. – Только зачем же тебя сюда запихали, неужели французы так заботятся о чистоте родных мест, усевшись (улегшись?!), покурить на крутом склоне?» И вдруг Нертов напрягся: неподалеку он

заметил отсвет металла. Еще не веря в свою догадку, Алексей тихонько присвистнул и услышал ответный свист...

Это были ключи от «Шевроле» с брелоком для рассеянных. Забудет хозяин, куда бросил такую безделушку, – стоит только свистнуть – и в ответ тоже свист. Нертов сам купил это чудо техники в ларьке перед отлетом во Францию. Нина вряд ли могла просто так выронить ключи, потому что дальше от дороги берег резко обрывался, а внизу, метрах в двадцати, плескалось море. Или девушка почему-то вздумала выбросить ключи, что было невероятно даже при ее характере, или...

Про второе «или» думать не хотелось. В это время на дороге остановилась машина Пьера, и Нертов понуро пошел к нему, попутно безнадежно отзвонившись коллегам и узнав, что никаких сведений о подопечной не поступало.

Пьер въехал в ситуацию сразу же. Его сыщики, естественно, никого не нашли в зелени скал по другой стороне дороги, поэтому были посланы осмотреть все повторно и более тщательно. Алексей настоял, чтобы его коллега связался с полицией и на всякий случай дал ей приметы пропавшей девушки и ее спутника. «У тебя должен быть кто-то там знакомый, пусть шум большой не поднимают, но хоть ориентировку дадут», – попросил Нертов, на что его коллега только неопределенно хмыкнул, заметив, что здесь не Россия, но сразу же начал набирать нужный номер.

Заявлять напрямую о возможном похищении, казалось, смысла не было: кто же поверит, что двое молодых и симпатичных туристов не захотели просто отдохнуть от всех сует, уединившись в каком-нибудь мотеле? Что же касается машины, так это тоже их право – оставить арендованный транспорт у дороги, а дальше двигаться на попутке или пешком.

Пьер о чем-то хмуро переговорил с вернувшимися сыщиками, еще куда-то отзвонился и заявил Алексею:

– Когда мои парни ехали, их задержал какой-то грузовик. Я постараюсь разобраться. А ты пока, может, вернешься назад, посмотришь комнату своей клиентки. Я не очень в это верю, но вдруг она письмо какое оставила... Кстати, никакие русские с вами больше не работают?..

Алексей мотнул головой, переспросив, почему Пьер задает этот вопрос, но тот только неопределенно пожал плечами, мол, на всякий случай. Почему-то Нертов снова не поверил бывшему однокашнику. К вилле начальник охраны не поехал, а решил сначала навестить парфюмерную фабрику, куда собиралась Нина. Дав газ, он погнал автомобиль в сторону Монако.

Позднее он сам не мог объяснить, почему поступил именно так. Наверное, следовало бы, как предлагал Пьер, вернуться на виллу и действительно проверить, не оставила ли Нина записки, мол, мы решили немного отдохнуть без вашей назойливой опеки. Но Нертов чувствовал: записки не будет. На всякий случай он дал команду коллегам осмотреть виллу, а также позвонил Николаю, потребовав немедленно собрать всю возможную информацию о пропавшем протеже Даутова («Только, пожалуйста, чтобы шеф ничего не пронюхал, у нас тут некоторые проблемы...»).

«Ладно бы просто дурак или даже стукач, – размышлял Нертов, – а если предатель?» Дело принимало дурной оборот...

«Русское безумство», – проворчал Пьер, глядя вслед умчавшемуся Алексею, и начал снова связываться с кем-то по мобильнику.

Глава 5. Сколь веревочке ни виться...

Конечно, на парфюмерной фабрике Нину, скорее всего, не видели, но у Алексея с собой была фотография девушки. Поэтому он надеялся, что кто-то из местных уличных торговцев или музыкантов вдруг окажется глазастее других. То, что Нина могла поехать в сторону Монако, было реально: в противном случае сыщики Пьера ее бы заметили. Но это только если девушка убежала сама. А если это было похищение, в чем бодигард почти не сомневался, шансы найти пропавшую катастрофически уменьшались. С этими грустными мыслями Нертов остановил машину у заправки неподалеку от фабрики.

Казалось, все вокруг было благостно и спокойно, как море в солнечный штиль. У заправки стоял туристический автобус, водитель которого лениво переговаривался с работником станции. Чуть подальше заправлялся серебристый «Рено».

Нертов по привычке, перед тем как выйти из машины, бегло осмотрелся, скользнув взглядом по находящимся неподалеку людям, собрался глушить двигатель и вдруг замер: широкоплечий крепыш с короткой стрижкой, сидящий в «Рено», медленно двигал челюстями, ожидая, пока машину заправят. Это лицо! Нет, это была не просто карикатура на нового русского. Определенно раньше Алексей встречал парня. Где? Нертов мучительно пытался вспомнить.

Франция? Лазурный Берег? контора Пьера?.. Нет, все не то. И вдруг Нертова осенило: он вспомнил Петербург, похороны известного артиста Македонского, плачущую возле гроба Марину и рядом с ней девушку со спутником.

«Стоп. Вспоминаем, кто это был. Подруга? Именно подруга, и звали ее, кажется, Катерина. Правильно, как в анекдоте: „Думай, обезьяна, думай“. Катя-Катерина. А она ведь, когда я искал этого поганого Шварца, вместе с Мариной чуть не грохнула его. Точно, это была та же самая подружка. Хорошо еще, что тогда для Марины все кончилось относительно хорошо. Тогда...»

Алексей вздохнул, вспомнив, как погибла Марина, взорвавшись в машине Нининого жениха. Но для оплакивания погибшей времени не было, как не было его сейчас и для проведения параллелей между Шварцем, смертью банкира Чеглокова, Катей-Катериной и ее ухажером.

«Кстати, как же его звали, кажется, Борис?..»

Нертов был убежден, что не ошибся. А это значит, появление во Франции питерского знакомого-незнакомого случайным не было, а сколь веревочке ни виться...

И Нертов, отпустив заправившийся «Рено» на некоторое расстояние вперед, осторожно последовал за ним. Все сомнения были отброшены. Остался только азарт, подобный азарту опера, нащупавшего выход на дохлого «глухаря»...

* * *

Алексей лежал между поросшими густой травой камнями и внимательно осматривал в бинокль небольшой обветшалый домик, притулившийся на склоне горы. Сюда он добрался, оставив машину на берегу моря, после того как «Рено» Бориса свернул на боковую дорогу. Конечно, идти пешком было рискованно, но еще более опасно было ехать по пустынным местам: если бы бандит заметил слежку – он мог не доехать до места, где держали Нину. А в том, что Боря – обычный бандит, в лучшем случае бригадир, Нертов не сомневался. Как уже был почти уверен и в том, что он поехал в укромное место, где прячут девушку.

Действительно, пробежав по боковушке метров триста, Алексей увидел выглядывающий впереди из-за оливковых деревьев домик, у которого стоял знакомый «Рено». Тогда бодигард

попытался связаться со своими ребятами или с группой Пьера, но это оказалось невозможным, так как почему-то не работал мобильник.

Покидать место наблюдения было нельзя: вдруг Нину куда-нибудь вывезут? Но и пытаться отбить ее сразу было не меньшим безумием: ни количества бандитов, ни степени их подготовки, ни расположения комнат в доме Нертов не знал, а рисковать здоровьем девушки не мог. Поэтому Алексей и лежал теперь на траве, наблюдая за домом и дожидаясь, когда стятся сумерки.

Не прошло и часа, как из домика вышел Борис в сопровождении какого-то человека, коротко дал несколько указаний провожавшему и, сев в машину, укатил.

«А что, если я пустышку тяну, – опасливо подумал Нертов, – что, если Нину прячут где-то в другом месте?» Но внутреннее чутье все-таки подсказывало, что это не так: слишком внимательно оставшийся бандит осмотрелся перед тем, как вернуться в дом, слишком велики были меры предосторожности. Зачем, спрашивается, выставлять нескольких человек вокруг дома, если внутри прятать нечего? А Нертов успел засечь как минимум двух наблюдателей, расположившихся неподалеку от строения. Можно было, конечно, предположить, что эти бычки просто пасутся на теплом солнышке, но зачем им тогда отдыхать в слаксах, кроссовках и спортивных куртках, если можно, раздевшись, понежиться на песочке, травке или выкупаться в море? Почему они не общаются между собой, как октябрята на прогулке, а сидят, надувшись, по разные стороны здания, повернувшись к нему спиной?..

«Нет, Нина должна быть здесь». – Нертов продолжал наблюдение. Он полагал, что пока с девушкой все относительно в порядке: тупоумные быки вели себя спокойно, бригадир уехал, возможно, доложить об удавшемся похищении и получить инструкции. Если это так, то, значит, заказчик или более высокопоставленное, чем исполнители, лицо обитает неподалеку. Конечно, Борис мог поехать и по другим делам, например, решать вопрос с транспортом, но и в этом случае убивать пленницу пока не должны. Как ни ломал голову Нертов, но других более-менее вразумительных версий придумать не мог.

Как ни крути, а выходило, что похищение Нины было связано с ее отчимом, скорее всего, с какими-то темными деньгами. В этом случае Даутова могли шантажировать возможной смертью любимой падчерицы. Был, правда, вариант, что Нина сама могла знать что-то о делах отчима, но в этом случае она тоже некоторое время нужна бандитам невредимая: пока они не доберутся до «живых» денег – они не убьют девушку.

Не вполне вписывался в версии Алексея случай со взрывом машины Дениса, но, поразмыслив, он решил, что тот эпизод не был связан с Ниной. Скорее у ее жениха возникли свои проблемы, а то, что в машине взорвалась Марина Войцеховская – случайность: никто же не знал, что именно она (или тем более Нина!) поедет вечером в «Ниссане».

Зато два других случая – на ферме и в лесу – давали основания предполагать, что Нину собирались похитить. Нертов был склонен думать, что на каменке поджидали именно Нину, что нападение было не спонтанным: не зря же с руки ее жениха не сняли «Ролекс», а неподалеку от места нападения, судя по следам, стояли две машины...

* * *

Нертов был прав, считая, что Нина жива. Она пришла в себя только после того, как ее привязали спиной к колонне, поддерживающей свод дома. Девушка, застонав, открыла глаза и, увидев перед собой человека, зло обратилась к нему по-французски, требуя объяснить, что происходит, и вызвать российского консула. Однако человек только рассмеялся, передразнив: «Ля Рюсси, ля Рюсси... – не проси», а затем на чисто русском языке велел заткнуться, пообещав в противном случае заклеить рот.

– Ты только скажи сначала, как тебя зовут, куколка, не Ниной, случаем? – Бандит выжидающе посмотрел на девушку и, казалось, удовлетворенно хмыкнул. – Вот и славно, Нина, сиди спокойно, жди нашего папу.

Нина недоуменно посмотрела на говорившего и вдруг все поняла: то, о чем столько раз предупреждал ее Нертов, все же было правдой. А она-то, дура, не верила, считая его перестраховщиком! С горечью девушка вспомнила, как в самолете она, издеваясь над ни в чем не повинным телохранителем, нравоучительно втолковывала ему:

– Любой образ жизни, среда накладывает на человека отпечаток. Вы не будете спорить, что вряд ли абориген из племени мумбо-юмбо может стать выдающимся ученым, а ребенок, выросший в семье алкоголиков, вряд ли получит достойное образование? Так же и любая профессия ведет к определенной деформации личности. Специальность – это своеобразный диагноз. Художник, математик, прораб... Даже вы, может, сумеете, пообщавшись с тремя людьми, определить примерно, кто чем занимается?.. И не пожимайте плечами. Диагноз может быть от «практически здоров» до какой-нибудь мрачной шизофрении. Ряд профессий относятся к первой категории. Но еще несколько лет назад я заметила, что есть другие, например депутат. Вы знаете, кого выдвигали на первых перестроечных выборах? Нередко тех, от кого избавиться на производстве хотели: крика много, требования непомерные, самомнение, а пользы производству – ноль. А еще чище – помощник депутата. Этим не хватает мозгов даже в народные избранники пробиться...

Алексей тогда, казалось, осуждающе смотрел на девушку и заметил, что, во-первых, в крупных городах депутатов избирали из нескольких кандидатур и чаяния коллег по производству роли не играли. Во-вторых, помощники депутатов – институт достаточно сложный. Зачастую туда пролезали люди, которым не хотелось терять время на протирание штанов в залах заседаний, а была нужна только «крыша»...

Нина, словно не услышав аргументы собеседника, распаляясь, продолжала:

– Нет, там, конечно, и просто подлецов хватало, и порядочные люди попадались. Иногда, скорее, в качестве исключения. Только в первом Ленсовете чуть и не двадцать человек официально на учете в ПНД состояли... А что касается вашей профессии, так постоянная мнительность, грязь, в которую вам подобные все время суются, тоже оставляют довольно яркие, пахучие пятна...

Нертов тогда молча слушал, пока Нина выговорится. А теперь девушка сидела связанная на грязном полу, запоздало раскаиваясь и упрекая себя в том, что напрасно обидела человека.

«Боже, что он сейчас обо мне думает? – Она попыталась представить лицо Алексея. – А я-то, дура, все думала, что это шуточки. И кажется, влипла основательно».

Двое бандитов хмуро расселись в углах комнаты и с плохо скрываемым интересом поглядывали то на короткие шортики Нины, то на ее полупрозрачную блузку. Девушка решила пока не вступать в переговоры с похитителями – все равно бесполезно – и, сколько будет возможно, потянуть время...

Ее размышления были прерваны непонятной суетой. Один из бандитов, из уха которого торчал тоненький черный проводок, другим концом скрывавшийся под курткой, коротко бросил напарнику: «Бригадир едет». После этого оба похитителя как по команде встали и изобраили бдительное наблюдение за пленницей.

В комнату по-хозяйски вошел похожий на кубик человек. Увидев его, один из бандитов суетливо заговорил, что все сделано как надо, девчонку никто пальцем не тронул и зовут ее именно Ниной.

– Не суетись, Макс, – прервал говорившего Кубик, – мне поговорить надо. Идите пока, сока какого-нибудь хлебните, что ли. А мы немного побеседуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.